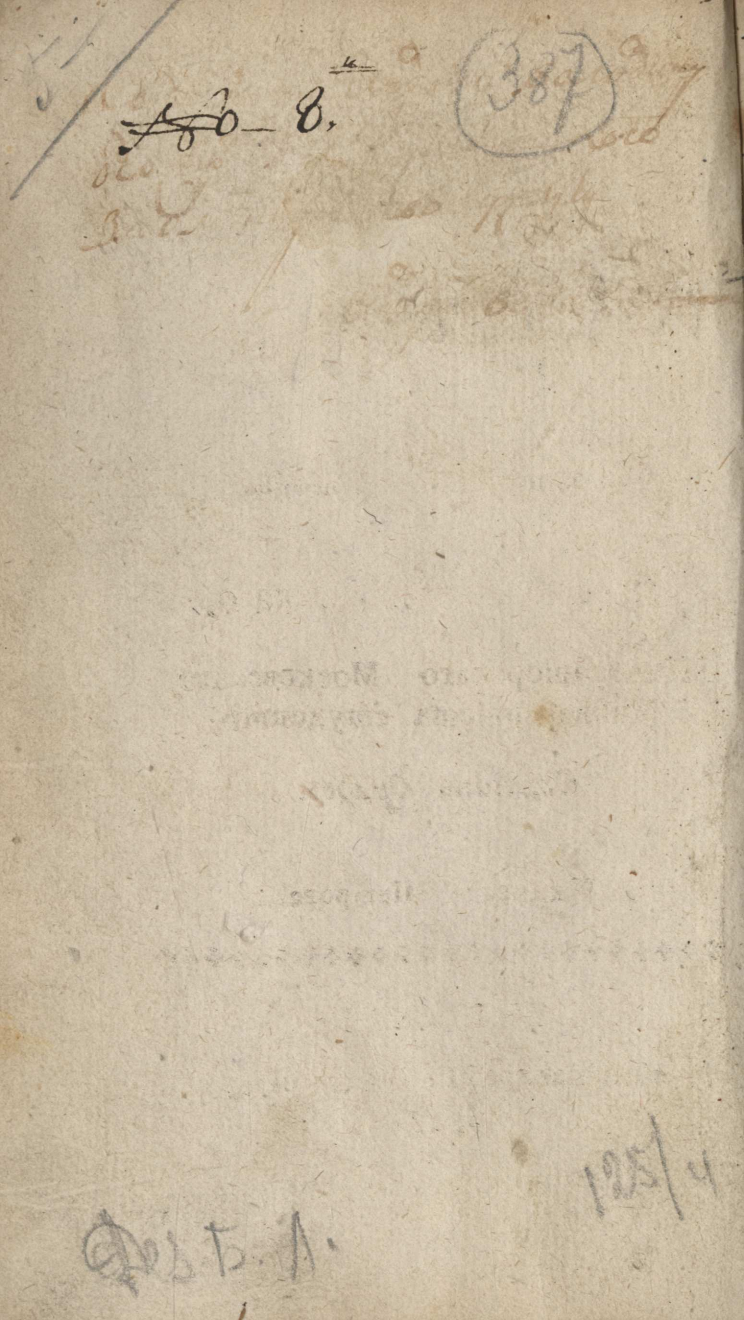

387
125/4

ИСТИННАЯ и ТРОГАЮЩАЯ

ПОВѢСТЬ

КАРЛА и АМАЛІИ.

Сочиненїе
Господина д' Арнода.

Перевелъ съ Нѣмецкаго,

Императорскаго Московскаго
Университета студентъ,

Степанъ Орловъ.

Иждив. С. Петрова.

❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖

ВЪ МОСКВѢ,

въ типографїи Пономарева,
1787.

Печатано съ указнаго дозволенія.

ЕЯ

СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГРАФИНѢ

КАТЕРИНѢ ПЕТРОВНѢ

СТРОГОНОВОЙ,

Усерднѣйше посвящаетъ

Степанъ Орловъ.

ПОВѢСТЬ

КАРЛА и АМАЛІИ.

Не можно отрицать похвалы той ревности, съ какою усиливаются моралисты наши противиться страстямъ; однако не взирая на то никто сомнѣваться въ томъ не будетъ, чтобъ не ихъ ужасныя послѣдствія въ случающихся примѣрахъ, представляющихся глазамъ нашимъ, долженствовали сіе исполнить гораздо больше, нежели всѣ тѣ возбужденія, въ коихъ разумъ находитъ увеселеніе. Въ семъ случаѣ повѣсть Амаліи служить можетъ преисполненною ученія картиною, которую представить можно молодымъ людямъ. Вся Англія продолжаетъ еще говорить о семъ печальномъ приключеніи, всякъ воспоминаетъ о сей несчастной такимъ образомъ: лишь только охладѣлъ ея пепелъ; нѣтъ сомнѣнія, что всякой городъ въ Англіи проливать будетъ объ ней столько же много слезъ, какъ и Лондонъ.

Сїя молодая госпожа, навсегда продолжающїйся предметъ сострашанїя, произведенїемъ своимъ на свѣтъ обязана такимъ честнымъ родителямъ, кои о томъ только и старались, чтобъ дать доказательства своей къ ней нѣжности; ни о чемъ болѣе не говорили, какъ только о ея имени во всѣхъ тѣхъ упражненїяхъ, въ коихъ получила она наставленїя отъ самыхъ лучшихъ учителей. Она достигла уже многихъ знанїй. Но сердце рѣдко допускаетъ себя быть сопровождаему разумомъ. При превосходныхъ сихъ качествахъ имѣла Амалїя еще одно такое, котораго злоупотребленїе доставляло полу ея почти всегда несчастїе, а чаще того униженїе. Чувствительность ея оказывалась при малѣйшемъ случаѣ, и въ такомъ дѣйствїи оказывала она первѣйшїе знаки любви. Она тѣмъ нещастлива, что не легко могла обуздывать свои склонности; почему и было сїе пучиною несчастїя, въ которую она поглощена была. Одинъ молодой не богатой дворянинъ, называемый Карлъ Долзай, живу-

щїй съ нею въ сосѣдствѣ, имѣлъ счастїе притти нѣкогда въ ея домъ, гдѣ принятъ былъ ласково; онъ понравился родителямъ, и больше того неосторожной дѣвушкѣ; безъ дальнаго размышленїя предалась она такому впечатлѣнїю, которое по сїе время было ей еще неизвѣстно; еще никогда неощущала она такого восхищенїя. Долзай посѣщалъ ее очень часто. Родители не могли ранѣе примѣтить худыхъ послѣдствїй сихъ сообщенїй и знакомствъ, коимъ послѣ должны были противиться, и коихъ однакожъ никакъ разлучить не могли. Амалїя, ожидавшая нѣкогда Долзая, услышала нечаянно шумъ: она догадывалась, что охотникъ по неосторожности своей застрѣлилъ другаго, послѣ чего принесли убитаго въ домъ; вдругъ возчувствовало сердце ея такое безпокойство, которое побуждало ее итти къ убитому; она поспѣшала къ нему на помощь; но ахъ! Какой ударъ почувствовала она увидя Долзая окровавленнаго и на носилкахъ лежащаго: нѣтъ, это не сострадание было, но любовь,

любовь во всей свой силѣ, овладѣвшей всею душею несчастной дѣвушки, она повергласъ на Долзая! — Не уже ли онъ лишился жизни? Не уже ли не стало его болѣе? (Ей сказываютъ, что онъ раненъ не смертельно.) И гдѣ же рана его? сказывайте, отвѣчайте. — Не уже ли онъ въ опасности? Ахъ! естьли уже онъ умеръ! Разсматривая его не слушала она своихъ родителей, кои принуждали ее удалиться. Наконецъ ее оттащили насильно и принесли въ ея комнату: она гораздо ближе къ смерти находилась, нежели Сиръ Карлъ: ея первые повсюду обращаемые взоры искали его; первое ея слово было сей вопросъ: въ какомъ состоянiи находится онъ? Ее успокоиваютъ; ей повторяютъ, чтобъ не безпокоилась о Долзаѣ; ей сказываютъ, что онъ такой человѣкъ, которой заслуживаетъ, чтобъ объ немъ старались. — Никто всевозможнаго старанiя объ немъ употребить не можетъ! — Сиръ Карлъ такой честной и прiятной человѣкъ. О! почто не могу я сама — я сомнѣваюсь нѣтъ, все-

возможнаго старанія прилагать не будутъ — На конецъ упрекали ее не до нея касающеюся заботою, представляя, что сіе противно благопристойности. — Благопристойность! Должна ли она запрещать, объ умирающемъ имѣть сожалѣніе? Не уже ли человѣколюбіе было не первымъ ученіемъ, которое мнѣ преподавали? Состояніе его подлинно трогаетъ. Ей на то весьма мало отвѣчали; ей навсегда запрещаютъ имѣть такое безразсудное сострадание; сіе противно было добродѣтели и честности довести чувствованіе ея до такой крайности.

Будучи одна разсуждала она такимъ образомъ: — Какъ! Не уже ли благопристойность требуетъ, чтобъ быть жестокосердымъ! Въ чемъ же теперь состоитъ добродѣтель? Я ни о какомъ столь добродѣтельномъ, ни о какомъ столь любви достойномъ юношѣ сожалѣть не могу, и такъ я не должна имѣть объ немъ сожалѣніе, ничего нарушать я не должна! Не уже ли хотятъ, чтобъ презрила я состояніе

Сиръ Карла? Нѣтъ, никогда, никогда столь жестокосерда я не буду. А хотя бы и желали сего — то я не подвергну себя такому безполезному закону — я купно съ Долзаемъ ранена, я вмѣстѣ съ нимъ страдаю. Это справедливо, справедливо, чувства мои — онѣ еще не были повреждены. — Чтожъ значитъ сїе, что я чувствую?

Бывшая ея нянька вошедши къ ней нашла ее въ слезахъ: — небо! любезное дитя! отъ чего такая печаль? — Сара, что говорятъ объ его ранѣ — — и видѣла ли ты оную? — Можно ли ему надѣяться? — — О комъ вы говорите? Можешь ли ты еще спрашивать? Я говорю о Сиръ Карлѣ. — Она расказываетъ ей о произшедшемъ, и о томъ жертвованїи, коего отъ нее требуютъ, жалуется съ прискорбностїю на строгость, съ какою встрѣчаются съ нею въ домѣ. Сара старается открыть ей глаза. Ахъ! Любезное дитя, берегитесь произносить жалобы на своихъ родителей; они не могутъ то-

го отъ самихъ себя скрыть, сколько вы имъ любезны, и для увѣренія сего даютъ они вамъ доказательство своей нѣжности. Они хотятъ васъ предохранить отъ немалаго несчастія. Вы знаете, что женщина, какъ вы, никому обязываться не должна безъ воли родителей. Извѣстна ли вамъ склонность къ Сиръ Карлу, которая теперь вами сильно владѣетъ? Любезное дитя, ето есть любовь — любовь! — Я люблю? — Такъ, любезное дитя, мое продолжительное дружество позволяетъ мнѣ васъ такъ называть: вы любите Долзая, вы любите его страстно, и вы намѣрены предаться печали. — Нѣтъ, Сара, ето не любовь, и положимъ — — я благодарю тебя за твой совѣтъ, я ему послѣдую. Виновники жизни моей не будутъ жаловаться на Амалію. — Какъ! я любила Сиръ Карла!

Сія сожалѣнія достойная жертва своей страсти, (ибо ето было сильнѣйшее пламя, которое пожирало Амалію,) не могла освобо-

диться отъ удивленія, въ котором оставила она Сару. Лучь свѣтила коснувшись Амаліи, пробудившейся велъ отъ мрачной ночи, и проникнувъ до ея сердца, показалъ ей, сколько обманулась она въ разсужденіи чувствованія, которое совсѣмъ ею овладѣло. Такъ! вскричала она, не должно больше сомнѣваться, что сожалѣніе, сострадание и мягкосердіе —— —— есть любовь. Я люблю, люблю, и тѣмъ оскорбляю своихъ родителей, забываю честь и должность. Я обнаружила сію склонность, —— которая будетъ мнѣ стоить жизни. Долзай узнаетъ о семъ, и я должна буду краснѣть —— и познавать стыдъ: я, которая до сего времени совершенно повиновалась добродѣтели сопровождаема будучи ихъ снисхожденіемъ. О! я оную побѣжду, я истреблю склонность сію. —— —— И естьли бы Долзай такъ же меня любилъ, —— естьли бы онъ меня любилъ —— еще разъ, ахъ когда бы вручилъ онъ мнѣ свое сердце безъ воли родителей! Не уже ли въ семъ они намъ попрепятству-

ютЪ? АхЪ Долзай! Ты мой любовникЪ и неустрашимый обладатель, похитившїй мое спокойствїе, вольность и самую любовь! — Ослѣпленная Амалїя, какая будетЪ участь твоя?

АхЪ! участь ея уже исполнилась, она есть примѣрЪ продолжительнаго и ужаснаго злополучїя. Однако она рѣшилась еще сЪ самой собою сразиться, побѣдить ту страсть, которая поминутно вЪ ней усиливалась. Она предпрїяла намѣренїе никогда СирЪ КарломЪ не заниматься, однако ежеминутно обращала взорЪ свой кЪ дверямЪ своей комнаты, дабы узнать о его излѣченїи.

СирЪ КарлЪ получа прежнее свое здравїе пошелЪ обратно кЪ своимЪ родственникамЪ, живущимЪ не подалеку отЪ Амалїи. Долзай показывая сожалѣнїе о разлученїи себя сЪ своимЪ благодѣтелемЪ, старался выразить чувствительную благодарность, но сЪ какимЪ восхищенїемЪ, сЪ какимЪ жаромЪ говорилЪ онЪ о

молодой дѣвушкѣ! — Амалїя тогда то краснѣла, то блѣднѣла, едва могла она съ заиканїемъ произнести нѣкоторыя слова, кои въ ея устахъ прерывались.

Уже наступилъ тотъ день, въ которой Сиръ Карлъ простился съ своими друзьями, еще нѣсколько минутъ пробылъ онъ въ бесѣдкѣ; недоумѣнїе, нѣтъ, позволенїе было ето, ибо вѣрить тому не позволяли нѣкоторые обстоятельства, при коихъ самый просвѣщенный разумъ подверженъ бываетъ искушенїю, до чего дошла такъ же и несчастная Амалїя. Не будутъ спрашивать, какими глубокими размышленїями занималась она. Вся душа ея исполнена была отдаленїемъ Сиръ Карла. Онъ узналъ объ ней, и пришедши въ отчаянїе проливалъ слезы. — Вы плачете, Сиръ Карлъ? — Ахъ! Возлюбленная моя, я васъ не видалъ — такъ, я предаюсь справедливой тоскѣ, я находился — въ нѣдрахъ вашей фамилїи — всѣ дни — глаза мои — рана. — Что, не уже ли вы еще не вылѣчи-

лись? — Ахъ! Амалія! Ето не та рана, о которой вы думаете — я чувствую гораздо сильнѣйшую и жесточайшую — которая никогда не залѣчится, нѣтъ, никогда. — Амалія! Я не могу болѣе скрывать ту тайну, которую вы уже давно узнать должны. (Онъ повергается къ ногамъ Амаліи.) Обожанія достойная Амалія, не порицайте меня за то, что видите меня предъ вами на колѣняхъ стоящаго, и открывающагося вамъ въ томъ, что я горю, и умираю отъ нѣжной и сильной къ вамъ любви. — Не бѣгайте отъ меня, выслушайте меня — Сиръ Карлъ, какое признаніе имѣете вы, которое бы могла я отъ самой себя скрывать? — Вы богатѣе меня, но рожденіе мое, мое сердце имѣетъ нѣкоторое достоинство въ разсужденіи вашихъ родителей — есть ли бы вы меня любили, то подлинно бы совершили всѣ мои желанія.

Амалія забыла, чемъ она сама себѣ была обязана. Она склонилась, вмѣсто того, чтобы скрыть свою

слабость, и выслушавъ Долзая сама признавалась ему въ томъ гораздо больше, она не могла того скрыть, что пылала къ нему столь же сильнымъ жаромъ Они клялись другъ другу въ любви, въ любви навсегда продолжающейся. Посемъ хочетъ Амалія излить сердце свое исполненное сильнѣйшей любви, горячности своихъ родителей, оба они увѣряются, что Гимнъ будетъ сопровождать взаимное нѣжности ихъ признаніе. Воистинну уподобляются любящіеся симъ пріятнымъ сновидѣніямъ, всегда видятъ они чистое и ясное небо, они погружаются въ недослышаніи, отъ чего никакого предмета достигнуть не могутъ, напослѣдокъ за симъ очарованіемъ немедленно слѣдуетъ непогода.

Долзай удалился въ надеждѣ скоро получить на то согласіе отъ родителей Амаліи, и о своихъ онъ былъ увѣренъ, что они для исполненія сего союза все употребятъ. Амалія бросясь въ объятія своей матери открыла ей со всякою спра-

ведливостїю то впечатлѣнїе, которое произвелъ въ ней Сиръ Карлъ. Но какой же отвѣтъ получила она на то: Амалїѣ отказано было въ малѣйшей надеждѣ: рука ея посвящена была знаменитой особѣ, и бракъ ея уже заключенъ. — Инова, а не Сиръ Карла должна я любить, и за того вытти? Сїе уже такъ положено, и по прошествїи нѣсколькихъ дней будешь ты супруга Листонова. (Такъ называлась та знаменитая особа.) Ты разлучишся съ Долзаемъ, и не увидишь его больше, ты должна рѣшиться его забыть. — Сиръ Карла забыть? Дайте же мнѣ на сей случай такое сердце, которое бы довольно силы имѣло вамъ повиноваться. — Ты будешь повиноваться, и сїе сердитое сердце покоришь, ты будешь слушать разума, исполнять свою должность, и исполняя сїе не нанесешь фамилїи своей никакого стыда. — О поступкѣ сей я родителю твоему не скажу. И такъ не помышляй больше ни о чемъ, какъ объ олтарѣ, и о Листонѣ, имѣющемъ быть твоимъ супругомъ.

Амалія будучи одна вскричала: меня повлекутъ къ сему олтарю, къ монументу вѣчнаго моего несчастія, но клясться, что другой долженъ получить мою руку, и обѣщаться его почитать, Долзая больше не любить, истребить его образъ изъ моей души, объ немъ забыть, и его больше не обожать — жестокосердые родители, я упорствую всему вашему насилію, всему вашему свирѣпству, я не могу снести, чтобъ повлекли меня представивъ такою гнусною жертвою, нѣтъ сего вы никакъ не получите. Пусть такъ, что Долзая никогда больше не увижу, но въ сердцѣ своемъ я безпрестанно повторять буду, что я ему до послѣдняго издыханія вѣрною пребуду. Я объ немъ буду проливать слезы, такъ какъ и онъ обо мнѣ. Намъ никто препятствовать не будетъ любить взаимно другъ друга. Не уже ли не имѣемъ мы власти надъ своими сердцами? Мы будемъ себя почитать счастливыми находясь въ тишинѣ одинъ за другаго страдать, не взирая на своихъ ти-

рановъ будемъ мы вкушать гораздо большее удовольствїе.

Долзай поспѣшаетъ къ Амалїи; увидя его бѣжитъ она къ нему на встрѣчу — никакой надежды нѣтъ, Долзай! Все противится нашему счастїю; потомъ разсказываетъ она ему, что происходило между ею и ея матерїю. — Сиръ Карлъ уѣжжаетъ назадъ въ ужасѣ и внѣ себя; нигдѣ не находитъ онъ спокойной мысли; все, что могъ онъ себѣ сказать, состояло въ томъ, что онъ ниединой минуты не пропуститъ не обожая мысленно свою Амалїю, не обитая съ повелительницею своею на веселомъ мѣстѣ, и не наслаждаясь съ нею благорастворенны мъ воздухомъ, и напослѣдокъ — бываетъ ли любовь когда нибудь безъ надежды?

Долзай находился въ военной службѣ своего государства, въ то самое время произошла между Англїею и Америкою нѣкоторая вражда; сначала ласкали себя примиренїемъ, однако политика требовала инаго,

и ничего больше не оставалось, какъ споръ сей рѣшить войною. Уже приуготовляли войско. Тогда то ввергнулась Амалія въ ужасъ, въ коемъ будучи думала она достигнуть высочайшей вершины противныхъ случаевъ, теперь познаетъ она, что нельзя избѣгнуть несчастія. Еще гораздо въ большее пришла она отчаяніе, услыша что полкъ, въ коемъ находился Долзай, назначенъ былъ итти въ новый свѣтъ. (Въ Америку.)

Симъ случаемъ Сиръ Карлъ не менѣе былъ тронутъ. Но дабы возвысить свое состояніе и пріобрѣсти славу, желалъ онъ чрезмѣрно туда отправиться. Онъ видѣлъ для себя открытый блестящій путь; однако долженъ разлучиться съ Амаліею, которую можетъ быть онъ болѣе не увидитъ; страшная смерть, которая какъ бы хотѣла лишить его той любви, которую почиталъ онъ гораздо выше жизни, отстояла отъ него не далеко. Время остальное проводилъ онъ въ писаніи писемъ, коихъ однакожъ пересылать

къ молодой Амалїи было никакимъ образомъ не возможно. Упражненїе сїе уменшало нѣсколько его печаль, ему казалось, что онъ видитъ свою возлюбленную и находясь съ нею повторялъ ей клятву той любви, которая кончиться должна купно съ его жизнїю.

Уже наступило то время, въ которое должно было перебираться на корабли. Амалїя не могла видѣть Долзая. Она смотрѣла изъ окна на отъѣздъ сей: сїе было ужаснымъ зрѣлищемъ, на которое бросала взоръ свой чувствительнѣйшая дѣвушка. Тамъ, говорила она сама себѣ, тамъ похищаютъ у меня все то, что я люблю! Никакой надежды болѣе нѣтъ; флотъ сей его мнѣ болѣе уже не возвратитъ.

Родители Амалїи поступали въ семъ случаѣ такъ, какъ будто бы они совсѣмъ не знали причины ея беспокойства. Они нимало о томъ не сомнѣвались, что отсудствїе Сиръ Карла опять успокоитъ ея тронутое сердце.

Сара всегда оставаясь съ нею отирала ей слезы. При входѣ на корабль услышала Амалія шумъ войска — Сара, Сара, я его болѣе не увижу. Неизмѣримое пространство разлучаетъ насъ! Вдругъ поверглось сіе бѣдное твореніе на землю и погрузилось во слезахъ. Любезное дитя, сказала Сара, будетъ ли вамъ сіе пріятно, видѣть Сиръ Карла еще разъ? — Такъ! Я хочу его видѣть хотя бы на одну минуту — возлюбленная моя, моя единая подруга, я бы охотно всего лишилась, что имѣю, даже своей жизни, ради сей единой минуты, только бы сіе исполнилось — ахъ, вы соболѣзнуете обо мнѣ, о когда бы посѣщеніе его могло спасти вамъ жизнь — обѣщайте мнѣ — все — Сара — все только чтобъ увидѣть Долзая. — И такъ вы должны исполнить свое обѣщаніе, сказала Сара — побѣжавъ въ ближайшую комнату, она отворила дверь и Амалія закричала: Сиръ Карлъ! Онъ бросился къ ея ногамъ: — я умру здѣсь предъ вашими ногами отъ печали и любви — не опасай-

тесь ничего, божественное дитя, не опасайтесь ничего; почтенїе мое къ вамъ столько же велико какъ и любовь моя, я Сару уговорилъ, я просилъ ее о единой и послѣдней услугѣ, чтобъ васъ еще разъ видѣть, васъ обожать, дать вамъ въ томъ клятву, что любовь моя будетъ послѣдовать за мною до конца свѣта, но вы, Амалїя, вы —— въ какихъ объятїяхъ? —— Такъ, лучше смерть! Долзай, не сомнѣвайтесь о моей къ вамъ всегдашней любви. Такъ! Я призываю бога въ свидѣтели, что никого инаго любовникомъ, и никого инаго супругомъ имѣть не буду, кромѣ Сиръ Карла. —— О! восхищающая клятва, можно ли сему повѣрить, что Амалїя никому иному не принадлежитъ! Я самъ въ томъ клялся небомъ; но ахъ! Сїе не требовало бы никакой клятвы, кромѣ моей любви.

Сиръ Карлъ цѣловалъ руки своей возлюбленной орошая оныя своими слезами. Она дала ему въ залогъ своей вѣрности кольцо, кото-

рое прижималъ онъ къ своему сердцу. Довольно времени проводили они только въ слезахъ, Долзай отступилъ назадъ на нѣсколько шаговъ и вскорѣ потомъ возвратясь бросился опять къ ногамъ Амалїи. Напослѣдокъ, говорилъ онъ еще заикаясь, я покидаю васъ, поелику требуетъ отъ меня сего должность и честь, я былъ бы недостоинъ вашей нѣжности, есть ли бы старался избѣгнуть тѣхъ опасностей, которыя претерпѣть облегчаетъ мнѣ желанїе, чтобъ сдѣлаться достойнымъ вашего единаго взора. Такъ, Англїя узритъ меня облеченнаго въ славу. Родители ваши, какъ я надѣяться смѣю, будутъ мои, священный союзъ соединитъ два тѣ сердца, кои любовь точно уже соединила. Амалїя не могла болѣе отвѣчать, какъ: — прощайте — прощайте, Долзай! Любите меня всегда.

Теперь разлучились они, и молодая дѣвушка осталась лишенною языка и чувствъ. По прошествїи нѣсколькихъ минутъ пришла она

опять въ себя изъ ея, подобнаго смерти, сна — онъ удалился! Она поспѣшаетъ, прибѣгаетъ къ окну, и его болѣе уже не видитъ; глаза ея обращаются на послѣднія расположенія кораблей. Она думала увидѣть Долзая въ семъ мятежѣ; она простираетъ къ нему свои руки, душа ея послѣдуетъ за нимъ на корабль и съ нимъ купно удаляется изъ Англіи. Въ нѣкоторомъ разстояніи флотъ сей пропалъ изъ ея глазъ; Амалія подняла жалостной крикъ, какъ будто бы испускала она послѣдній вздохъ и упала въ объятія Сары.

Едва не упокоилась она подъ бременемъ своей боли; ибо возвращеніе ея жизни было гораздо хужѣ самой смерти. Уже не принимала она ласкъ своихъ родителей, кои были ей прежде любезны; ни о чемъ не говоря всегда бросала она свои слезами орошенные глаза на то окно. Единое, что она произнесла, состояло въ томъ: онъ уже на концѣ сей неизмѣримой поверхности. Тщетно старалась Сара ее утѣшить.

Никакого больше утѣшенія, никакой больше нѣтъ надежды, сказала она почти умирающимъ голосомъ. Ее слышали испускающую весьма глубокїе вздохи, крайнее изнеможенїе пожирало ее, и она находилась близко ко всему разрушенїю.

Нѣкогда казалась Амалія пробудившеюся отъ сего смертнаго сна и пристально взирая на Сару сказала: — и такъ ты хотѣла удалить меня отъ могилы, меня ожидавшей? — Ахъ, любезнѣйшее дитя, что вы говорите? Я бы всѣ средства употребила, чтобъ спасти вамъ жизнь. — меня нѣчто побудило, продлить сїю несчастную жизнь, есть ли я ее еще снести могу. — Сара, могу ли я положиться на твою вѣрность? — Такъ — оказать мнѣ сїю услугу — хотя ты для меня много сдѣлала, однако етого еще не довольно. Посмотри, не подслушиваетъ ли кто насъ. Сара заперла дверь и возвратясь къ ней сказала ей: — не должно ничего опасаться, вы можете безъ стыда говорить. — Сара, не

видишь ли ты, что несчастная любовь со всею своею силою мною овладѣла, — что она не внемлетъ сихъ твоихъ совѣтовъ, моей добродѣтели, моихъ родителей, словомъ, что я разлучась съ Сиръ Карломъ не могу болѣе жить, что душа моя совсѣмъ находится въ Америкѣ, и что я здѣсь отъ безчисленныхъ мученiй умираю. По прошествiи не многихъ дней, любезная Сара! болѣе уже не услышитъ сего голосу, — сердце сiе любить болѣе не будетъ. — О! небо, что вы говорите? — Я все тебѣ открою. Я повторю сiе: естьли бы я ничего такого не имѣла, чего бы могла лишиться кромѣ своей жизни, то легко бы исполнила сiю малѣйшую жертву: но умереть, престать существовать, чтобъ могла приближиться къ тому котораго люблю: ибо почто мнѣ сiе скрывать, что Долзай дѣйствительно сдѣлался теперь для меня любезнѣе, нежели когда нибудь? Не быть болѣе, чтобъ увидѣть только его, любить его, безпрестанно повторять ему о своей любви: Сара — тогда бы

я не могла на то рѣшиться! Я помышляю о такомъ намѣренїи, которое можетъ тебя устрашить —— я сама страшусь его. Ахъ! Я все знаю, что мнѣ благосостоянїе, доброе мое имя и честь повелѣваютъ: я почитаю добродѣтель и своихъ родителей не взирая на ихъ жестокость —— но —— Сиръ Карла почитаю я гораздо болѣе. Я довольно помышляла; а теперь ни о чемъ больше не разсуждаю, какъ только о любви. (Сара хотѣла сдѣлать ей нѣкоторыя представленїя) не уже ли думаешь ты, что я уже о всемъ томъ разсуждала? Я все уже себѣ предсказала; я не перемѣню своего намѣренїя; я вижу пропасть и нимало не страшась пойду въ оную. Не дѣлай мнѣ на пути семъ никакихъ препятствїй; обѣщайся послѣдовать мнѣ слѣпо; на послѣдокъ я сама приближаюсь къ минутѣ страшнаго моего конца.

Каждое слово Амалїи причиняло сердцу Сары новое безпокойство. —— Извольте, извольте! Я все исполню, чего вы отъ меня тре-

буете, говорите. — Ты возвращаешь мнѣ любовь. Я все предвидѣла; благодарность моя будетъ сопровождать твои благодѣянія.

По нѣкоторымъ сопротивленіямъ открыла молодая дѣвушка свое намѣреніе. Какъ изумилась Сара, когда предложила ей Амалія достать мужское платье. Я тебѣ, сказала, продолжала она, что ты изумишся; но я повторю еще сіи слова: или то, или смерть. Новыя предложенія, новыя совѣты со стороны Сары, но такъ же новыя неотступныя прозьбы со стороны Амаліи! Наконецъ рѣшилась Сара: она принесла мужское платье и нѣкоторую знатную сумму денегъ и драгоцѣнныя вещи, кои она ей ввѣрила. Оныя получила она какъ завѣщаніе отъ одной изъ ея родственницъ. — Я думаю, Сара, теперь понимаешь ты удобно, къ чему изготовлено сіе: посредствомъ сего полу нашему необыкновеннаго платья могу я всѣхъ бѣдствій избѣгнуть — но я никакихъ не знаю, когда хочу найти Сиръ Карла. —

Великїй боже! что вы мнѣ говорите? До какого ослѣпленїя страсти своей доходите вы! —— Я весьма понимаю, что я изъ всѣхъ границъ благопристойности выступаю —— между тѣмъ любовь моя приводитъ меня къ жилищу Сиръ Карла! Онъ и я призывали небо во свидѣтели той вѣрности, въ которой мы другъ другу клялись, и ето есть торжественнѣйшїй обѣтъ, который нарушить можетъ одно только вѣроломство. Я не надѣюсь отъ Долзая такого оскорбленїя и такой измѣны; онъ повелитъ утвердить союзъ нашихъ сердецъ, въ Америкѣ находятся олтари и духовныя особы. —— Но несчастное дитя, найдешь ли ты тамъ такъ же родителей? —— Жестокая! О чемъ ты мнѣ напоминаешь? Ты раздираешь мое сердце! И вдругъ вверглась потомъ Амалїя въ глубокое размышленїе. —— Подумайте, въ какую печаль обратится вашъ побѣгъ, вы ихъ единая дочь, вы были ихъ утѣшенїе, единый предметъ ихъ любви. —— Ахъ! Сжалься надо мною! Избавь меня, избавь меня отъ сихъ

упрековъ, подлинно сiи достопочтенные родители мнѣ любезны, но Сиръ Карла люблю я болѣе всего — Сара, Сара, продолжала она проливая горестныя слезы, я возвращусь отерѣть ихъ слезы, на старость ихъ буду я простирать радости, они меня простятъ, и тотъ бракъ, которой уже подлинно заключенъ небомъ при моемъ еще рожденiи, надѣлятъ они соизволенiемъ своимъ и благословенiемъ.

Наконецъ казалось, что Амалiя была побѣждена силою природы, чтобы повиноваться гласу ея и покоряться ея повелѣнiямъ: какъ вдругъ рѣшилась она опять: какiя противорѣчiя! Я не могу противиться, судьба моя рѣшена, она зоветъ меня въ Америку, я пойду — я туда пойду и умру тамъ. Ахъ! Почто я стражду! Какое несчастiе можетъ сравниться съ моимъ! Нѣсколько дней находилась она въ безпокойствахъ, кои одно за другимъ слѣдовали, душа ея колебалась подобно бурному морю, но любовь обратила ее побѣдоносцымъ

образомъ въ чувства, будучи внѣ себя и свирѣпствуя вскричала Амалія: я ни на что больше не взираю, всѣ желанія мои устремлены на соединеніе съ Долзаемъ. Сара, деньги сіи, кои ты мнѣ теперь принесла, раздѣлю съ тобою, старайся избѣгать изслѣдываній моихъ родителей, будь увѣрена, что по возвращеніи моемъ первое мое стараніе будетъ то, чтобъ тебя наградить. Чемъ вы меня наградите, отвѣчала Сара жалкимъ голосомъ, я никакого награжденія не заслуживаю, моя чрезвычайная къ вамъ любовь ввергаетъ меня въ погибель. О! небо, что я сдѣлала, что не воспрепятствовала такому сожалѣнія достойному знакомству. Я заслуживаю гораздо больше наказанія, нежели вы.

Между тѣмъ никакія представленія и никакія упреки Сары, кои она сама себѣ дѣлала, удержать Амалію отъ пріуготовленія къ своему побѣгу не могли, лодка должна была привести ее на корабль, отправляющійся въ Америку. Какъ

ободряетъ любовь боязливой полъ, и дѣлаетъ отважною молодую дѣвушку.

Для произведенія въ дѣйство своего намѣренія дождалась несчастная Амалія мрачной ночи: она одѣлась въ свое платье, въ которомъ никто ее признать не могъ, оставя свои комнаты осматривалась она вокругъ себя, многократно обращала она взоръ свой на то жилище, въ коемъ получила она свое бытіе, и гдѣ оставила она отца и мать. Ахъ! сказала она Сарѣ, естьли бы проникнули они въ мое сердце, то конечно бы возъимѣли обо мнѣ сожалѣніе: Я знаю, знаю, что дѣлаю погрѣшность и непростительнѣйшее преступленіе, я удаляюсь отъ тѣхъ объятій, кои носили меня въ моемъ младенчествѣ —— —— но я люблю! Я люблю!

Она проливала слезы заикаясь, и молчала представляя себя находящеюся между тѣми волнами, кои ее обезпокоивали. Такимъ образомъ

дошла она наконецъ до берега; она не могла ни одного слова произнести, только прижимая Сару къ своей груди, обнимала ее нѣсколько времени, потомъ, какъ бы сама отъ себя должна была освободиться бросилась въ лодку, которая привезла ее на корабль. До послѣдней минуты обращала она взоръ свой на тотъ домъ, которой шеснадцать лѣтъ былъ свидѣтелемъ ея добродѣтели. Потомъ потерявъ оной изъ глазъ своихъ признавалась въ своемъ преступленіи, она кричала отъ болѣзни, столь велика сила природы, отъ которой никакое уклоненіе безъ наказанія ея не остается.

Долзай почти уже достигъ тѣхъ бреговъ, гдѣ билисъ прежде изъ подлаго корыстолюбія, и гдѣ теперь защищаютъ вольность. Сердце свое исполненное несчастной страсти привезъ онъ съ собою въ Америку, куда послѣдовалъ за нимъ такъ же и образъ его возлюбленной. Одинъ другъ спрашивалъ его, на какія бы предметы столь пристально устре-

млены были его взоры во время путешествія? На того, котораго я видѣлъ, отвѣчалъ онъ, и которымъ я всегда заниматься буду, то есть на веегда присудствующею со мною Амаліею. Синфордъ, я требую твоего подкрѣпленія, станемъ искать славы оставя честь и любовь. Находятся минуты, въ кои состояніе мое, которое дѣлается теперь для меня несноснымъ, хочу я возвысить и потомъ возвратиться въ Европу. Тамъ увижу я свою повелительницу, или покрайней мѣрѣ жилище ее; потомъ узналъ бы, продолжается ли еще ея любовь — которой подобной никогда не видалъ. Синфордъ, она есть живѣйшая, чистѣйшая любовь. — Чрезъ оказанныя похвальныя дѣла хочу я побѣдить отказъ той фамиліи, которая дѣлаетъ меня несчастнымъ, и заслужить Амалію; всѣ мои желанія устрѣмлены на то, чтобъ удостоиться называться ея супругомъ! ахъ! отсудствіе, жестокое отсудствіе, должно ли ты удалять меня отъ нѣжности? При сихъ размышленіяхъ впалъ Сиръ Карлъ въ

глубокое меланхолическое свойство; другъ его старался его утѣшить и произвесть въ немъ прїятной обманъ надежды, которой и разумъ истребить не долженъ.

Долзай удивлялся своей храбрости на бою, на коемъ получили Агличанѣ нѣкоторой выигрышъ. Онъ взялъ многихъ въ полонъ. Между оными взялъ онъ одного, которой имѣлъ печальной и отчаянной видъ, нежели какъ прочїе. Тотчасъ будучи тронутъ состраданїемъ Долзай, приближился къ сему печальному. — Доброй человѣкъ, откуда происходитъ сїя глубокая печаль? Вы должны только жаловаться на воинское счастїе, а не на храбрость вашу; можетъ быть завтра случится и со мною такая же участь. Ободритесь; повѣрьте мнѣ, что вы находитесь во власти такого человѣка, которой знаетъ, сколько много прощать должно несчастныхъ. Я всѣ средства употреблю, чтобъ облегчить вашу плѣнность. Слезы, отвѣчалъ плѣнный съ глубокимъ вздохомъ, текущїе без-

престанно, проливаю я не по своей волѣ. Было ли бы сіе прилично состоянію, чтобъ быть не чувствительнымъ? Счастіе мнѣ измѣнило. Единое, о чемъ я сожалѣю, есть одна молодая дѣвушка, которую я обожалъ, которая меня любила и съ которою я намѣренъ былъ сочетаться бракомъ; я питалъ себя надеждою подкрѣпить нѣкоторую фамилію, которая непримиримыми случаями подвергнула себя злосчастію. Она не будетъ болѣе страдать, сказалъ Сиръ Карлъ, обнимая плѣннаго. И я такъ же люблю; я все то чувствую, что вы претерпѣваете. Небо да предохранитъ меня отъ напаянія васъ горестію такого несчастія. Любите! Я разрываю ваши оковы; и такъ вы освобождены, поспѣшайте видѣть предметъ столь благородной любви; содѣлайте оной счастливымъ; мысль, что я имѣлъ случай вамъ въ семъ помочь, облегчитъ мнѣ мои нѣкоторыя страданія. Ахъ, продолжалъ Долзай потупя глаза свои, почто не могу я такимъ же образомъ содѣлать счастливою мою Амалію. Американецъ

будучи внѣ себя отъ признательности, едва могъ выговорить одно слово; онъ орошалъ слезами руки своего избавителя: мало по малу началъ онъ наконецъ говорить: имя Сиръ Карла на всегда останется погрѣбеннымъ въ моемъ и Розанинымъ сердцѣ, безпрестанно будемъ мы повторять оное и любить. — Долзай оказалъ въ семъ поступкѣ еще нѣкоторой знакъ благородства; онъ приказалъ отдать Американцу все то, что у него отняли присоединя къ тому свой съ деньгами кошелекъ. — Ето не есть непрїятель, отъ коего получили вы сей малѣйшїй знакъ его чувствительности, ето такой человѣкъ, которой обязанъ вамъ имѣть чувствительное сердце, и которой желалъ заслужить ваше дружество; и такъ чувствительность ваша для меня прїятна; однако знайте, что сражаться съ такими честными людьми, какъ вы, обязываетъ меня должность. — О! любовь, нѣжнѣйшая и знатнѣйшая изъ всѣхъ страстей, ты сопряжена съ невинностїю, ты источникъ прекрасныхъ

дѣйствій. Ето былъ образъ Амаліи, которой увидѣлъ Долзай въ Розанѣ, освободя отъ оковъ ея возлюбленнаго.

Вскорѣ потомъ узналъ Сиръ Карлъ, что онъ судьбу свою предвидѣлъ, и что добродѣтель не всегда безъ награжденія остается. Непріятели узнавъ чрезъ своихъ шпіоновъ напали на войско, находящееся подъ его предводительствомъ, въ одномъ ускомъ проходѣ, гдѣ оно въ немалой опасности находилось; Долзай всѣ средства употреблялъ, которыя сообщала ему храбрость и воинской духъ, чтобъ избавить своихъ подчиненныхъ, въ чемъ ему и посчастливилось; но какъ онъ непріятелей своихъ побѣдилъ, то напала на него орда дикихъ, кои спорились между собою о той чести, чтобы съ головы его содрать кожу и принести его самаго въ жертву своему свирѣпству. Тогда слышанъ былъ нѣкоторой голосъ: возможно ли! — Нетрогайте! Не трогайте его! — Ето мой благодѣтель! Ето Сиръ Карлъ! — Онъ взгля-

нулъ и пришедши отъ того въ изумленïе, узналъ того Американца, которому возвратилъ онъ вольность, и которой всѣ силы употреблялъ, чтобъ освободить его отъ кровожаждущихъ тигровъ. Были ето, сказалъ Долзай; вы видите, какая перемѣна въ войнѣ находится. Теперь я вашъ плѣнникъ, здѣсь отдаю я вамъ свою шпагу. — Нѣтъ, не дѣлайте сего, положитесь на то, что я за самое лучшее почитаю то, чтобы послѣдовать вашему примѣру. Съ сей минуты къ вашему возвращенïю все будетъ исполнено по вашему желанïю, но прежде, нежели вы насъ оставите, исполните мнѣ одну прозьбу: пожните прежде плоды вашего благодѣянïя. Тотчасъ повелъ онъ его къ одному дому, стоящему на веселыхъ лугахъ, которой ограниченъ былъ горою, покрытою величественнымъ лѣсомъ. Сиръ Карлъ увидѣлъ великое число людей, оттуда выходящихъ, которые, казалось собирались здѣсь на нѣкоторое празднество, между оными находился одинъ достопочтенный старецъ и молодая

Аглинская прекрасная дѣвушка. Нѣжность и прїятная улыбка начертаны были на ея плѣняющемъ лицѣ. Ланиты ея покрыты были румяностью подобно тому прекрасному цвѣточку, коего именемъ она называлась. Она шла на встрѣчу къ Американцу, которой не далъ ей времени вопрошать: — любезная моя Розана, оставя тебя я ни о чемъ на сраженїи болѣе не помышлялъ, какъ о тебѣ; между прочимъ нашолъ я на войскѣ моего друга, котораго не преминулъ и тебѣ показать; теперь сдѣлались мы гораздо счастливѣе. — я привелъ къ тебѣ плѣнника, которой долженъ быть нашимъ повѣлителемъ. Разсмотрите его и повергните себя къ его ногамъ. Знаешь ли, кто онъ таковъ? Мой любезный благодѣтель, Сиръ Карлъ. Сиръ Карлъ, вскричали Розана и старецъ, О! мы не можемъ его довольно достойно принять. Американецъ обратясь потомъ къ Долзаю продолжалъ: вы должны радоваться вашей поступкѣ и такъ знайте, что я сего дня съ тѣмъ, что мнѣ есть

всего любезнѣе, сочетаюсь бракомъ, и что присудствіе ваше содѣлать можетъ счастіе наше совершеннымъ. Долзай вошелъ въ ту залу, гдѣ пріуготовляемо было празднество той страны; здѣсь повсюду являлась тишина и благородная простота цвѣтущаго возраста. Розана удалилась изъ собранія, и возвратясь опять украшена будучи вѣнцами, изъ цвѣтковъ сплетенными, оказывала Сиръ Карлу веселый видъ исполненный пріятности. Ето тѣ оковы, сказала она, кои долженъ носить нашъ плѣнникъ. Сіе зрѣлище, напоминавшее Долзаю объ Амаліи, его плѣнило. Наконецъ оставя мѣсто сіе съ доказательствами дружества, поспѣшалъ онъ возвратиться въ свое войско, ожидавшее его нетерпѣливо.

Въ то время хотѣли одного послать въ Англію съ важными и тайными дѣлами, къ чему чаятельно выбранъ былъ Сиръ Карлъ. Къ такой должности пріуготовлялся онъ съ мужествомъ и съ немалымъ искуствомъ; мысль, приближиться къ

Амалїи принуждала его принять на себя безъ отрицанїя такую чести исполненную должность. День для его отъѣзду былъ назначенъ, и онъ уже увидѣлъ распущенные парусы на томъ кораблѣ, которой долженствовалъ возвратить его въ свое отечество.

Амалїя защищаема была перемѣнным своимъ платьемъ отъ многихъ худыхъ обстоятельствъ, коимъ бы она безъ сей предосторожности принуждена была подвергнуться; однакожъ мужества своего, которое въ безпрестанномъ безпокойствїи находилось, она неперемѣняла. Она нетерпѣливо желала достигнуть конца своего путешествїя, и чрезвычайно сожалѣла о своихъ родителяхъ, знакомыхъ, и о своемъ отечествѣ. Она не могла освободиться отъ угрызенїя совѣсти, которая сопряжена бываетъ съ наказанїемъ. Однако мысль сїя истребилась, когда представляла себѣ, что она увидитъ Долзая. Молодая Агличанка спрашивала о всѣхъ тѣхъ странахъ, кои она проѣжжая видѣ-

ла. Часто говорила она сама себѣ: Сиръ Карлъ проѣжжая здѣсь помышлялъ такъ же и обо мнѣ? Иногда устремляла она взоръ свой на ужасную поверхность, ограничивающую новый свѣтъ, и наконецъ по долгомъ времени увидѣла она на концѣ сего неизмѣримаго пространства своего Долзая; иногда занималась она тѣмъ страхомъ, что можетъ быть любовникъ ея умеръ или сдѣлался къ ней невѣрнымъ. — Сиръ Карла нѣтъ болѣе! — меня забыть. — Такъ! пусть любитъ онъ другую, естьли хочетъ быть счастливымъ не иначе какъ естьли симъ образомъ поступитъ! я чувствую, что я сдѣлалась бы великою жертвою, естьли бы могла оною возвратить ему жизнь. Всѣ тѣ минуты, въ кои Амалія одна находилась, употребляла она въ пользу; столь охотно увеселяются любящіеся прелестями уединенія и пріятностями сладкаго сновидѣнія.

Вдругъ закричали гребцы: Америка! Америка! И такъ мы уже въ Америкѣ, сказала Амалія съ поспѣ-

тностію, которая почти измѣнила было влюбившейся! Я опять увижу — при сихъ словахъ она испугалась и закраснѣла отъ своей оплошности, исполнена будучи нетерпѣливости вытти изъ корабля сошла она первая на землю. Какъ скоро пришла она въ сіи, Европѣ неизвѣстпыми вѣчно бывшія поля, то безпрестанно спрашивала она о Сиръ Карлѣ, потомъ двацать разъ повторяла о томъ, что уже она неоднократно слышала. Она услышала, что армія, въ которой находился Долзай, находилась отъ нее въ пятидесяти миляхъ, однако невзирая на свое утомлѣніе отправилась она туда безъ замедлѣнія. Уже распространился слухъ о путешествіи Сиръ Карла въ Англію. — О небо! Ежели уѣдетъ онъ не увидя меня. И такъ я должна была странствовать по морю только для того, чтобъ увидѣть его слѣды. Она продолжаетъ путь свой съ величайшею поспѣшностію: нечаянно поражается она пріятною вѣдомостію отъ солдатъ, съ нею встрѣтившихся, что отъѣздъ Долзая от-

ложенъ. Здѣсь водворилась въ душу ея чрезмѣрная радость. — Я его увижу! О! Я умру отъ радости. Уже приближалась она къ той счастливой и вожделѣнной минутѣ, но вскорѣ потомъ узнаетъ, что Сиръ Карлъ получилъ команду надъ отборнымъ войскомъ, чтобъ итти съ онымъ противъ Американцовъ. Какая скорая перемѣна сдѣлалась во всѣхъ чувствахъ Амалїи! Она вскричала: Долзай идетъ на сраженїе, гдѣ угрожаетъ ему тысяча опасностей. Безпокойство ея умножается, когда слышитъ она, что Долзай дѣйствительно уже пошолъ. Она слѣдуетъ за нимъ, она рѣшилась съ нимъ умереть. Съ удивительною поспѣшностїю странствуетъ она по ровнинамъ и лѣсамъ, гдѣ мы Европейцы съ немалою трудностїю избѣгаемъ препятствїй. Неоднократно спрашивала она всякаго желая получить извѣстїе, какой путь предпрїялъ Сиръ Карлъ. Ужасный шумъ барабановъ оглушалъ ея уши; она усматриваетъ солдатъ, бѣгающихъ въ безпорядкѣ въ задъ и въ передъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ раненыхъ, ко-

торые на землѣ лежали, а нѣкоторые наполняя воздухъ стѣнаніемъ падали и умирали; ей показали одинъ лѣсъ, разказывая, что неподалеку отъ онаго произходило сраженіе, на коемъ побили Агличанъ. — И Долзая, Долзая, — гдѣ онъ, я его не вижу! Но никто ей на то не отвѣчалъ. Одни только любящіеся могутъ сіе чувствовать. Она не видитъ, не слышитъ, и будучи полумертва едва могла достигнуть мѣста сраженія. Какое зрѣлище для чувствительной дѣвушки! Тутъ протекали кровавые потоки, и великое множество лежало мертвыхъ тѣлъ, и мѣсто сіе было исполнено ужаса. Она странствуетъ по умершимъ, и подъ ея ногами лежатъ несчастные, испускающіе духъ свой. Она ищетъ, кличетъ Долзая, и жалостное ехо повсюду раздается; ея испытующіе взоры усматриваютъ одно окровавленное тѣло, она поспѣшаетъ къ нему и поднимаетъ ужасный крикъ: — Долзай! и подлинно ето былъ Долзай, коего ранилъ стрѣлою въ грудь дикой Американецъ. Долзай! вскричала Ама-

лія въ другой разъ упавши на него. Уже окружала его смертная тѣнь. Несчастная любовница опять пришла въ себя. — И такъ неужели ето было судьба, ожидавшая меня въ Америкѣ? — Долзай! любезный Долзай! Я умру и купно съ тобою лягу въ гробницѣ. (Она положила руку свою на его сердце.) Ето то самое сердце, которое меня любило, и которое теперь уже ничего болѣе не чувствуетъ. — Неужели не возможно? О небо! О небо! О предосторожность! Оно бьется! Долзай — Долзай! Онъ еще дышетъ! О когда бы могла я возвратить ему жизнь! — Откуда текутъ сіи кровавые потоки? Амалія изслѣдываетъ, разсматриваетъ, она усматриваетъ близъ сердца не великую рану и тотчасъ начинаетъ оную высасывать и старается остановить текущую изъ оной кровь. Долзай вздохнулъ, и его возлюбленная чрезвычайно обрадовалась. — О! любезный Долзай! Я тебя оживила, оживила! Наконецъ приходя мало по малу въ чувства открылъ не много Сиръ Карлъ свои почти ох-

ладнѣвшїе глаза; онъ бросилъ оные на особу, пришедшую къ нему на помощъ. Амалїя думала увидѣть въ оныхъ нѣкоторое безпокойство, ею въ немъ произведенное; но Долзай опять оныя сомкнулъ, однако всегда былъ тепелъ. Любовь всегда находитъ новыя безпокойства, страхъ и чувствованїя, а особливо была сему подвержена молодая Аглинчанка. Она опасается, дабы не произошли изъ того худыя послѣдствїя, естьли поспѣшитъ она открыть объ себѣ Долзаю; и чтобъ произведенные въ немъ чрезъ то безпокойства не ввергнули его во гробъ. Она знала такую траву, которыя сокомъ натирали дикїе Американцы свое лице, когда идутъ они на сраженїе; и когда Амалїя была увѣрена, что перемѣнная ея одежда дѣлала ее довольно не знакомою тѣмъ глазамъ, кои привыкли читать въ ея глазахъ; то натерла она свои лилїи и розы симъ сокомъ: великою жертвою дѣлается истинная любовь въ подобныхъ сему случаяхъ. Амалїя гораздо большее почувствовала бы удовольствїя, чтобъ быть по-

знанною Долзаемъ, нежели чтобъ причинить ему такое безпокойствїе, которое бы могло попрепятствовать его возвращенїю здравїя. Она опять побѣжала къ Сиръ Карлу, и употребила всѣ старанїя, чтобъ сколько нибудь ему помочь; тогда пришли нѣкоторые Аглинскїе солдаты къ Амалїи на помощь и принесли раненаго въ неподалеку отъ того мѣста лежащїй домъ. Великодушная его любовница слѣдовала за нимъ проливая слезы; она старается сокрыть въ сердцѣ своемъ свойственныя любви выраженїя, которыя скоро открыли бы ея тайну, да и подлинно жизнь ея возлюбленнаго, жизнь, которая несравненно была ей дорожѣ своей, зависѣла отъ сильнѣйшей власти. По прошествїи нѣкотораго времени Сиръ Карлъ открылъ свои глаза; взоры его искали того великодушнаго существа, которое возвратило ему жизнь, и первое слово, имъ произнесенное, было благодарность. —— Ахъ, кому я столь чувствительно обязанъ? Кто могъ оказать мнѣ столь много благодѣянїй? Какъ тронулась

душа Амалїи симъ голосомъ! кто можетъ отъ сего удержаться? — Я — я несчастный чужестранецъ, я пришедши на мѣсто сраженїя увидѣлъ васъ лежащаго между прочими, сдѣлавшимися жертвою свирѣпства и войны, я поспѣшилъ къ вамъ, — къ вамъ — вы меня тронули — я сосалъ вашу рану моими устами, и остановилъ теченїе крови — вы начали получать новыя силы. — Какое чудо чувствительности и благодѣянїя! какъ, вамъ я обязанъ моею вторичною жизнїю? — Какъ — какъ я за оную возблагодарю? чемъ могу я васъ наградить? — Чтобы вы были живы, — то принялъ я въ томъ участїе, чтобы сдѣлаться послѣ достойнымъ вашего дружества — дружества? — Ахъ! я обязанъ вамъ чувствованїемъ удивленїя, живѣйшею благодарностїю и обожанїемъ. При сихъ словахъ смотрѣлъ Долзай пристально на Амалїю, и тронутъ будучи ея объ немъ сострданїемъ обезсилѣлъ. Лѣкарь пришедшїй въ то же самое время къ нему на помощь, просилъ Амалїю

отсюда удалиться. Она немедленно повиновалась сему жестокому принужденію оставить Сиръ Карла. Хорошо, естьли жизнь его зависитъ отъ такого принужденія. Но когда она не могла съ нимъ говорить, то желала по крайней мѣрѣ имѣть то удовольствіе, чтобъ его только видѣть. Она скрылась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никѣмъ не видима будучи удобно могла смотрѣть на раненаго, и глаза ея никогда отъ него не удалялись. Тѣхъ, кои дѣлали ему вспоможеніе, она ободряла, и просила, чтобъ всевозможное старапіе о возвращеніи его здравія прилагали.

Мало по малу началъ получать Долзай прежнія свои силы и сдѣлался уже нѣсколько спокойнѣе; онъ сильно желалъ видѣть того иностранца, коему онъ былъ столь много обязанъ. Ему сказываютъ, что его просили отсюда удалиться, поелику опасались, чтобы присудствіе его не воспрепятствовало вашему возвращенію здравія —— Великодушный благодѣтель! О! Я

хочу его видѣть, я хочу съ нимъ говорить, присудствїе его меня оживотворитъ. Тщетно противились сильному его желанїю, напослѣдокъ принуждены были на то согласиться. Амалїя сошла съ того мѣста, гдѣ она до сего времени скрывалась. — Я бы никогда отъ глазъ вашихъ не удалился, естьли бы не взирая на то не имѣлъ того удовольствїя близко васъ находиться: но не говорите ни слова, старайтесь о возвращенїи вашего здравїя, положитесь на старанїе — я бы самъ, — я бы показалъ — — великодушный другъ, вы заслуживаете сїе имя, я о томъ ни мало не сомнѣваюсь, что вы все употребите, чтобы возвратить мнѣ жизнь: не оставляйте меня, я хочу познать ваше сердце, ибо тщетно бы я старался скрыть то, что предсказываетъ мнѣ мое чувствованїе о моей приближающейся кончинѣ! — О небо! Что вы говорите — любезный Долзай — государь мой — почто долженъ я васъ еще спросить, подлинно ли вы Агличанинъ, по вашему выговору и ударенїю я при-

знаю васъ за своего одностранца. — Такъ, я въ Англіи родился — я пришолъ — чтобъ здѣсь съ вами умереть, естьли небо старанїе наше и упованїе отринетъ — нѣтъ божественная душа, чувствованїе мое не должно столь далеко простираться о моей потерѣ, но я ожидаю отъ столь геройскаго великодушїя еще такой же великой услуги, какова была первая, что я говорю? Гораздо большей изъ всѣхъ благодѣянїй. Не въ Лондонѣ ли вы живете? — Жилище мое находится не далеко отъ сего города. — Ахъ, вы можете — обѣщайтесь мнѣ исполнить нѣкоторую прозьбу, — единое мое желанїе. — Я повторяю сїе, сїе есть величайшее для меня одолженїе. И такъ знайте, что я гораздо о большемъ сожалѣю, нежели о своей жизни, естьли я умираю, то лишаюсь своей любовницы, совершеннѣйшей любовницы! (Здѣсь почувствовала молодая дѣвушка нѣкоторое безпокойство, которое удобно могло ей измѣнить) Откуда происходитъ сїе безпокойство? Не уже-

ли и вы разлучились съ тою, которую любите? — Предметъ столь сильной нѣжности не могъ понять моего послѣдняго вздоху! Я хочу вдохнуть его въ вашу грудь, его вѣряетъ вамъ любовь такъ какъ священный залогъ, чтобы вы оной вручили моей Амалїи. Сїе обожанїя достойное дитя живетъ еще! Скажите ей — я думаю, что она любитъ меня всегда. — И можете ли вы въ томъ сомнѣваться, прервала его Амалїя? Такъ — она подлинно будетъ васъ любить — то, что вы мнѣ влїяли, увѣряетъ меня, что она вамъ пребудетъ вѣрною — до гроба — ахъ, естьли бы вы ее знали! Она прекрасна, чувствительна и добродѣтельна. Жестокосердые ея родители воспрепятствовали нашему соединенїю. Однако любовь преодолѣла сїи препятствїя; я клялся предъ ея ногами, что избралъ ее себѣ въ супруги, и что кромѣ ея никого имѣть не буду. — Вы плачете, благородный чужестранецъ! Слезы ваши орошаютъ мои руки. И такъ выслушайте меня, я предлагаю вамъ

прозьбу какъ одного изъ чувствительнѣйшихъ между смертными, котораго вы во мнѣ уже нѣкогда видѣли: естьли возвратитесь вы въ Англїю, то сходите къ сей обладательницѣ моего сердца, скажите ей, что вы постарались возвратить мнѣ жизнь, что я для того только и живу, чтобы ее обожать, и что послѣднїя мои минуты были ей посвящены, увѣрьте ее, что образъ ея былъ послѣднимъ начертанїемъ, которое изчезло было въ моемъ сердцѣ, и что я какъ ея любовникъ, какъ супругъ, какъ вѣрной ея супругъ умеръ было, и что душа моя въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ отъ любви къ ней пылала. — Чего вы хотите? Сказала Амалїя: проливая слезы жала она руку Сиръ Карла, — Долзай, любезный мой Долзай! — Это были слова, которыя принуждали ее удалиться, она опасалась много говорить, раненый удерживаетъ ее за руку: — не оставляйте меня: никогда — голосъ сей — я узнаю его — онъ дѣлается мнѣ извѣстнымъ — какъ, онъ меня обманы-

ваетъ! — Кто вы такой? — Я примѣчаю — нѣкоторое сходство — нѣтъ, вы не уйдете отъ меня — — Долзай! — что вамъ угодно? Чего вы требуете? — Чѣмъ болѣе я къ вамъ прислушиваюсь — о! Я буду — о! Боже, позвольте мнѣ отсюда удалиться — моя жизнь — жизнь ваша зависитъ — голосъ сей — лице мое — небо, небо, возможно ли! О когда бы сїе — Долзай! Я ваша Амалїя, вскричала молодая Агличанка бросясь на грудь Сиръ Карла, я хотѣла васъ сыскать въ Америкѣ и тамъ съ вами умереть. — — Тутъ лишились они оба своихъ чувствъ.

Тогда сбѣжались на шумъ сихъ нѣжныхъ сердецъ, казалось, что они умирали. Сиръ Карлъ прижималъ къ устамъ своимъ руки Амалїи. Сїя первая пришла въ себя, она увидѣла великое множество зрителей — такъ, въ семъ чужестранномъ платьѣ видите вы несчастнѣйшую дѣвушку, сожалѣнїя достойнѣйшую жертву страсти своей, ко-

торая до самой кончины жизни моей продолжаться будетъ. Я по морю странствовала для того, чтобы последовать за тѣмъ, котораго и между всѣми одного люблю, старанія мои возвратили ему жизнь — какое зрѣлище! Долзай находился при смерти. Ахъ! Я, я виновница его смерти! Неосторожность моя учинила сію печальную перемѣну — я не могла умолчать, но не могла такъ же тебя покинуть. Долзай, любезный Долзай, пріими мой духъ — не должна ли смерть моя послѣдовать твоей?

Несчастная погрузилась во слезахъ, она предалась всѣмъ безпокойствамъ неизреченнаго мученія, она стояла неподвижна, возводила глаза свои къ небу, какъ будто бы хотѣла произносить на оное жалобы, или какъ бы просила отъ него помощи Сиръ Карлу. Пробудясь отъ сего глубокаго обморока сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: Амалія, Амалія, я васъ опять вижу, вамъ я всемъ обязанъ — какимъ чудомъ — я никакъ не могу снести та-

кого высокаго счастія. —— Мнѣ ничего не остается, какъ достигнуть кончины моего бытія, которое хотѣлъ я получить для васъ только. —— Возлюбленная моя Амалія! Это вы! Вы въ Америкѣ со мною?

Сиръ Карлу запрѣтили далѣе говорить; Амалія соединяя свои прозьбы съ представленіями врачей даже угрожала своему возлюбленному тѣмъ, что она отъ него удалится. Онъ обѣщался молчать, только чтобъ позволили на нее смотрѣть. Оба сіи существа, которыя кажется для того только сотворены, чтобъ любить другъ друга, разговаривали больше глазами своими такъ, что можетъ быть уста ихъ не въ состояніи были то изъяснить. Трогающій голосъ страсти и сердца, сколь далеко будешь ты въ наукахъ возвышаться! Одна только сія чета истинно любящіяся имѣла пріятность и силы истиннаго краснорѣчія. Какому восхищенію и какому пріятному наслажденію предалась Амалія получа вѣдомость, что вся опасность, угрожавшая пре-

жде Сиръ Карлу смертію, миновалась, словомъ, что всѣ увѣрены были о возвращеніи его здравія. Теперь было позволѣно Долзаю дать вольность душѣ своей. — Возлюбленная моя, Амалія, прекрасная и добродѣтельная! И такъ я долженъ жить, чтобъ считаться въ числѣ счастливыхъ смертныхъ. О! Какое счастіе можетъ сравниться съ моимъ! Любовникъ твой, твой любовникъ будетъ твой обожатель и твой супругъ. Великій боже! Колико щедро вознаградилъ ты жизнь мою! Такъ, обладательница моей души, я иду сей часъ — первый мой шагъ будетъ къ олтарю, тамъ соединюсь я съ тобою тѣмъ союзомъ, которой уже и теперь соединенъ. Подлинно ли такъ? Я долженъ быть обладателемъ всего того прекраснѣйшаго и совершеннѣйшаго, что всевышнее существо сотворило. Къ сему моему сердцу, которое отъ любви пылаетъ, присоединю я еще сердце Амаліи. Нѣжная любовница отвѣ ала на сіе только слезами. Ахъ, какія слезы! Какъ украшали онѣ Амалію! Какъ

выражали онѣ все то, что она ощущала. Никто не могъ себѣ представить подобнаго сему восхищенія.

Они отправились въ Филадельфію; по прибытіи туда первое слово Долзая было имя одной извѣстной ему духовной особы. Послѣ брачной церемоніи вставши онъ съ восхищеніемъ вскричалъ: я Амаліинъ супругъ! По окончаніи сего обряда и по разтеченіи собранія пошелъ онъ къ Амаліи и говорилъ: Амалія, любезная моя Амалія! Я клялся тебѣ предъ олтаремъ, однако повторяю еще здѣсь со всемъ тѣмъ жаромъ, которой ты во мнѣ произвела, что любить тебя безпрестанно буду, и обожать тебя, какъ вѣрнѣйшее божіе подобіе, соединившее насъ теперь. Такъ! Сіе всевышнее существо привело тебя въ Америку, чтобъ возвратить мнѣ жизнь, и надѣлить меня такимъ счастіемъ, которому подобнаго во всемъ свѣтѣ не знаютъ. Тебѣ обязанъ я вторичною жизнію, я не могу, я не хочу жить, какъ только для тебя одной, моя возлюбленная

душа! Забудемъ Англїю, Европу, и самую Америку: не станемъ помышлять во всемъ творенїи ни о чемъ другомъ, какъ только о себѣ. Мы единое творенїе — нѣтъ, никто не можетъ такъ любить, какъ я. Любезный супругъ, отвѣчала Амалїя со всею восхитительною прїятностїю красоты: ты мнѣ стоилъ многихъ слезъ, но онѣ всѣ уже осушены, я съ тобою, Долзай, ты для меня всего милѣе.

Въ язычествѣ почли бы сїю чету за Боговъ истинной любви. Они жили въ одномъ, близъ города лежащемъ домѣ, гдѣ казалось все окружено было прїятностїю, которой подобной нигдѣ сыскать не можно. Ето былъ плѣняющїй Едемскїй садъ, которой описалъ намъ Милтонъ украшеннымъ щедротою природы Повсюду воображалъ себѣ Долзай образъ своей богини; ибо преданность его къ ней уподоблялась нѣкоторому богопочитанїю. Куды ни обращались глаза, то вездѣ находили они изображенїе новой Еммы. Изображенїе любовницы

Долзая, на которую онъ не могъ до сытости насмотрѣться, представляло супругу его на мѣстѣ сраженія въ такомъ видѣ, когда она высасывала рану и занималась избавленіемъ его отъ смерти. Ето, сказалъ онъ друзьямъ своимъ; есть представленіе торжества той любви, которая послѣдніе мои взоры на себя обратитъ! Могу ли я довольно тѣмъ навеселиться! Какою женщиною владѣю я. Ахъ! Сердце мое, довольно ли сильно оно для восхищенія? Естьли когда оба сіи супруги не находились вмѣстѣ хотя одной минуты; то увидя опять другъ друга ощущали они въ себѣ взаимное удовольствіе; Долзай безпрестанно говорилъ своей прелѣстнѣйшей сожительницѣ о чрезмѣрной своей къ ней страсти. — Она возрастаетъ и день ото дня сильнѣе становится; нѣтъ, сего выразить я такъ не могу, какъ чувствую я оную въ моей душѣ; нѣтъ, Амалія, я не могу тебѣ сказать того, съ какою горячностію я тебя люблю. Ахъ! Почто не имѣютъ сердца, каковы суть наши, соб-

ственнаго языка? Сколь слабы всѣ выраженія для того, что я къ тебѣ чувствую! Не уже ли глаза мои болѣе тебѣ не изъясняютъ?

Изъ любви своей вывелъ Долзай нѣкоторое упражненіе, выборъ цвѣтовъ, долженствующихъ украшать грудь его супруги, былъ для него важнымъ; онъ научилъ птицу выговаривать сіи слова: почитай Амалію. Онъ посвятилъ своей супругѣ увеселительную рощицу, которую назвалъ онъ своимъ храмомъ; все, что природа ни производила въ семъ новомъ свѣтѣ прекраснѣйшаго, было здѣсь соединено. Ето было мѣсто его любовницы, куда приходилъ онъ съ тѣмъ, чтобы живой и чистой огонь проницалъ въ него. Онъ тутъ спрашиваетъ, разговариваетъ самъ съ собою; онъ бываетъ доволенъ самъ собою; не безъ причины сказано, что первое изреченіе самъ изтекло изъ устъ любви: подлинно заслужилъ такъ же предметъ сего способа отъ идолопоклонства толь рѣдкое приключеніе. Амалія ни о чемъ больше не помы-

шляла, какъ о томъ, чтобы понравиться Долзаю; ето была такая вещь, которую приписывала она счастливому дару природы. Родители Амалїи по причинѣ своей потѣри были неутѣшны; они сами другъ на друга произносили жалобы, что принудили ее къ побѣгу изъ родительскаго дому, они ни малѣйшаго объ ней не знали. (Вспомните, что Сара изслѣдыванїй ихъ удалилась.) Они не знали, живала она, а наипаче думали они, что можетъ быть непреоборимыя препятствїя ввергнули ее во гробъ. Ибо вообще чувствительныя сердца дѣлаютъ себѣ печальныя воображенїя. При семъ возчувствовали родители Амалїи, сколь была она для нихъ любезна.

Да и въ самомъ дѣлѣ заслуживала она сожалѣнїе; ибо сколько ни велика была ея страсть къ своему супругу, однако никогда не забывала она о виновникахъ ея бытїя: сїе трогающее напоминовенїе унижало нѣсколько то благополучїе, коимъ она всегда наслаждалась. Въ сихъ размышленїяхъ скры-

вала она сколько возможно наилучшимъ образомъ всѣ слѣды той болѣзни, которую чувствовала она во внутренности своей. Сїе было единое впечатлѣнїе въ ея душѣ, котораго не хотѣла она показывать своему супругу, почитая оное за нѣкоторое преступленїе! — Какъ, я скрываю отъ Долзая тайну, отъ Долзая, которой жертвуетъ мнѣ всякою мыслїю? Не уже ли совершеннѣйшая сїя вѣрность есть величайшее безпокойствїе для истинной любви? Можетъ ли искренняя любовь, какова есть наша, утвердить сїе малѣйшее сопротивленїе? Не оскорбится ли она симъ? Не ужели будетъ супругъ мой дѣлать мнѣ упреки за слезы мои, кои посвящаю я своимъ родителямъ? — Ахъ! Онъ увидитъ, что онъ не всемъ моимъ сердцемъ владѣетъ; сїе приведетъ его въ огорченїе; можетъ быть будетъ онъ находить въ фамилїи моей нѣчто не возможное! Поелику съ нимъ обходились весьма низко; рѣдко прощаетъ самолюбїе такїя оскорбленїя. Долзай любитъ меня одну; онъ любитъ ме-

ня паче всего, и я должна такъ же ему всемъ жертвовать, должна забыть Англію, и моихъ родителей — Великій боже! Можетъ быть бѣдность раззорила ихъ до основанія, и можетъ ископала я для нихъ могилу.

Доколѣ Амалія находилась одна, то всегда представлялись глазамъ ея сіи трогающіе предметы; но при первомъ взорѣ на Долзая вдругъ изчезали сіи печальныя и непріятныя мысли, подобно мрачности, удаляющейся отъ одного солнечнаго луча. Всегда поспѣшала она въ его объятія съ пріятною улыбкою, и ничего болѣе не ощущала, какъ настоящее свое благополучіе.

Опредѣляетъ ли человѣкъ когда нибудь такъ, что онъ никогда счастливъ быть не можетъ? Или владѣемъ ли мы когда нибудь тѣнію того счастія, которое вдругъ изчезаетъ? Долзай, устремлявшій всегда взоръ свой на Амалію, думалъ примѣтить въ ней нѣкоторые знаки безпокойства. — Что тебѣ

сдѣлалось, душа моя? что ты уже не столь весела. —— Долзай, любовь твоя довольно чувствительна причинить самой себѣ безпокойствїе: я не могу на то жаловаться; ты доказываешь мнѣ, сколь сильно ты меня любишь, —— я несчастнѣйшая изъ всѣхъ супруга —— Ето уже не тотъ голосъ, которой бы могъ мнѣ доказать твое удовольствїе въ твоемъ счастїи. —— Любезный супругъ! Какой неизвѣстный ужасъ трогаетъ тебя. —— Подлинно —— уже нѣсколько дней —— я печалюсь —— сїе есть единое растлѣнїе моего воображенїя —— болѣе ничего. —— Можетъ быть сильно желаешь ты возвратиться въ свое отечество? —— Гдѣ Долзай, тамъ и отечество мое! —— Можетъ быть размышленїя о твоихъ родителяхъ причиняютъ тебѣ нѣкоторое безпокойствїе? —— При сихъ словахъ появились слезы у супруги Сиръ Карла: —— другъ мой! Я васъ оскорбила; я сїе отъ васъ скрывала и подлинно сїе есть причиною моего безпокойствїя —— которое заставляетъ меня краснѣть:

такъ, я признаюсь, что я родителей своихъ забыть не могу, — Долзай, я причинила тебѣ величайшее безпокойствіе — прости меня, любезный супругъ, по тебѣ люблю я родителей своихъ паче всего. Нѣтъ, Амалія, нѣтъ чувствованіе сіе меня не оскорбляетъ; ты по должности своей должна воспоминать о тѣхъ, кои даровали тебѣ жизнь; но должна такъ же вспомнить и о томъ, что они сдѣлали тебя несчастною; что они подвергли тебя опасностямъ, на которыя отважилась ты. Однако я не хочу лишить тебя всей надежды ихъ опять видѣть. По заключеніи мира съ непріятелями возвратимся мы въ Англію, естьли тебѣ угодно; но сихъ жестокосердыхъ родителей должна ты со мною примирить — я почитаю ихъ, и ты обязана имъ жизнію.

Печаль Амаліи тѣмъ не уменшилась, но паче день ото дня умножалась, такъ какъ и безпокойство Сиръ Карла возрастало. — Амалія, не ужели обѣщанія мои не

могли утолить печаль твою, которая меня безпокоитъ? Откройся чистосердечно, какъ могу я сіе заслужить; но любишь ли ты меня? Сиръ Карлъ, можешь ли ты сомнѣваться о моей къ тебѣ любви? Можетъ быть обезпокоиваетъ тебя моя чрезмѣрная къ тебѣ любовь — я подвергаю себя ужасному наказанію — я опасаюсь тебя лишиться — я не знаю, — Долзай, меня снѣдаетъ слабость, коея источникъ мнѣ неизвѣстенъ.

Долзай различныя употреблялъ средства, чтобъ разогнать печаль своей супруги, которую она сама истребить старалась: онъ прибѣгнулъ къ увеселеніямъ; онъ хотѣлъ оставить купно съ нею Европу, своихъ родителей, знакомыхъ и Англію. Ахъ, прервала его Амалія, любезный Долзай, говорите только о себѣ и о нашей любви; но я должна чистосердечно признаться, что душа моя исполнена несносной боли! — Ахъ, я была весьма счастлива — и въ то самое время покатились изъ глазъ ея слезы.

Амалія не наслаждалась болѣе процвѣтающимъ здравіемъ, которое для красавицы необходимо нужно: розы на ея ланитахъ увяли, глаза ея потеряли свой блескъ. Сиръ Карлъ находился не въ лучшемъ состояніи, какъ его супруга; душа ея была въ безпрестанномъ безпокойствіи; чего стоила для Долзая жизнь Амаліи? Болѣзнь ея усиливается, призываютъ на помощь врачей; Долзай старался читать все въ ея глазахъ, которые свободно выражаютъ, что она сей болѣзни познать не можетъ, и отъ искуства врачей никакой помощи ожидать не должна. Сіе состояніе погибѣли еще умножилось однимъ нападеніемъ гнусной болѣзни; чѣмъ болѣе Сиръ Карлъ усиливался, тo тѣмъ болѣе онъ страдалъ; онъ обнималъ колѣна врачей, орошалъ оныя своими слезами; онъ упрашивалъ ихъ всемъ тѣмъ, что только могло ихъ тронуть, чтобы употрѣбили всѣ старанія для излеченія ее отъ толь упрямой и жестокой болѣзни; онъ обѣщалъ имъ все то, что только имѣлъ — отдайте мнѣ,

отдайте мнѣ мою Амалїю, и возмите у меня все мое имѣнїе даже и самую жизнь, ежели столь драгоцѣнная жизнь зависитъ отъ такой жертвы. Онъ былъ исполненъ отчаянїя Сдѣлали новой совѣтъ, испытывали всѣ обстоятельства; разсматривали болѣзнь весьма тщательно; ужасное извѣстїе для Долзая! По вторичномъ изслѣдыванїи узнали, что въ ранѣ его находился ядъ: дикїе Американцы имѣли сїе жестокое обыкновенїе, чтобы концы своихъ стрѣлъ намазывать смертоносным ядомъ. Сей ядъ преселился въ грудь Амалїи, когда высасывала она рану своего супруга: почему и заключили, что противъ сей ужасной болѣзни никакого средства сыскать было не можно; и такъ супруга Сиръ Карла приговорена была къ смерти. Она умретъ, вскричалъ сожалѣнїя достойный супругъ! Я причиною ея смерти; сїе было все, что могъ онъ сказать, онъ беретъ свою шпагу, чтобы лишить себя жизни, ее вырываютъ изъ его рукъ; онъ падаетъ на землю подобно пораженному молнїею; од-

нако пришедши нѣсколько въ себя отъ сего бѣшенства, онъ вскричалъ: — Я Амалїинъ убїица! Я раздираю ея грудь! Ахъ, ради бога, умертвите меня! Я съ охотою моею желаю умереть отъ сего пораженїя! Ввергните меня въ вѣчное уничтоженїе. Варвары, не ужели хотите вы, чтобы я былъ живъ! Но Амалїя умираетъ, она для меня умираетъ? Не уже ли вы никогда не любили? Всѣ вокругъ Долзая находящїеся ощущали его состоянїе; ничего больше не видѣли кромѣ пролитїя слезъ, и ничего не слышали кромѣ рыданїя.

Больная, которая совершенно знала, что въ разсужденїи ея болѣзни сдѣланъ былъ совѣтъ, спросила: въ какомъ Сиръ Карлъ находится положенїи? Ей на то не отвѣчаютъ; она увидѣла на всѣхъ лицахъ печаль и ужасъ. — Вы довольно мнѣ показываете, какая будетъ моя участь, я вижу ясно, что мнѣ ничего больше надѣяться не должно; и такъ я должна умереть, и разлучиться на всегда съ

тѣмъ, что было для меня любезнѣйшимъ! И — гдѣ мой супругъ? Не ужели опасается онъ моего присудствія? Не ужели не увѣряется онъ, что приближаеися ко мнѣ кончина, къ которой я подлинно приуготовляюсь? Я не могу больше для Долзая жить! Ахъ! Пусть придетъ онъ! Онъ будетъ свидѣтелемъ послѣдняго моего вздоха; по крайней мѣрѣ облегчитъ онъ сіи ужасныя минуты. Такъ, вскричалъ одинъ человѣкъ, ворвавшійся въ комнату Амаліи, имѣющій видъ страшной Фуріи, коего многіе удержать не могли, и въ коемъ едва познали Сиръ Карла: такъ, несчастная женщина, смерть твоя извѣстна, и знай, кто оную тебѣ причинилъ, твой губитель — есть твой возлюбленный, твой супругъ Долзай. — Что вы говорите? — Долзай! — Такъ, по нѣкоторомъ времени я долженъ положить тебя во гробъ. Вдругъ схватя шпагу, которая по несчастію попалась ему въ руки, вонзилъ въ себя оную: онъ упадаетъ, и кровь льется изъ него съ великимъ стрѣмленіемъ на

Амалїю, которая подняла ужасной крикъ простирая къ нему руку: къ нему поспѣшаютъ на помощь, а ей разсказываютъ все то, чего супругъ ея произнести не могъ: — сожалѣйте теперь объ одномъ Долзаѣ! О небо! Возвратите ему жизнь! а — обо мнѣ болѣе не помышляйте.

Съ сей минуты, казалось, Амалїя совсѣмъ объ себѣ забыла; однакожъ помнила то, что до Сиръ Карла относилось. Должно думать, что она дышала для того только, чтобы не довести супруга своего до отчаянїя.

Онъ опять пришолъ въ себя: рана его была не столь опасна, какъ онъ самъ желалъ. Первое, что онъ говорилъ, состояло въ томъ, что онъ спрашивалъ о своей супругѣ. — Она безпокоится объ васъ, она заклинаетъ васъ, естьли вы ее любите, пощадить ея жизнь; она ожидаетъ, когда вы соберете всѣ ваши силы, вашего присудствїя — такъ, я хочу къ ней итти, чтобъ

показать ей омерзенія чувствительнѣйшаго человѣка — Амалія! Амалія! На тебя палъ такой ударъ! Для того ли покидаешь ты своихъ родителей, для того ли странствовала ты по морю и прибыла наконецъ въ сію ненавистную страну? Здѣсь найдешь ты могилу, могилу, вырытую собственными руками твоего супруга. Ахъ, жестокосердые! Чего требуете вы отъ меня?

Какое зрѣлище для Сиръ Карла! Супруга его всѣ силы собирала, чтобъ приползти къ своему супругу вспомоществуема будучи нѣкоторыми служителями. — Ахъ, Сиръ Карлъ, и такъ я не могу наслаждаться тѣмъ, чтобъ тебя видѣть! Тотчасъ заключивъ ее въ свои объятія принесъ онъ ее въ комнату вспомоществуемъ будучи тѣми же служителями. — Что вы дѣлаете, Амалія? Вы видите еще того варвара? — Ахъ, любезный мой Долзай! Почто желаете вы называться причиною моей болѣзни? Станемъ молить то провидѣніе, которое

всегда справедливо; не лишайте меня того счастія, коим могу я наслаждаться. Я спасла жизнь вашу своею; почто медлим мы при семъ воображеніи, которое утѣшаетъ меня и подкрѣпляетъ противъ всѣхъ ужасныхъ послѣдствій моей судьбы. Естьли вы подлинно меня столько любите, какъ я теперь себя увѣряю, то пощадите вашу жизнь, подумайте, что сто есть мое орудіе, и что сто самое должно васъ излечить. Обѣщайтесь мнѣ, что вы любя меня сіе исполните, чрезъ что докажите вашу ко мнѣ вѣрность и нѣжность. Иногда надъ могилою моею проливайте слезы, которыя дойдутъ до моего праха, ибо и умершіе такъ же чувствуютъ; такая сильная любовь никогда не престанетъ, любезный Долзай! Вы всегда будете присудствовать съ своею Амаліею. Сиръ Карлъ отвѣчалъ на то заиканіемъ проливая ручьи слезъ, иногда произносилъ онъ прерывающіяся въ устахъ его слова жалостнымъ голосомъ: — вы еще можете меня любить, хотя я — но могу ли я истребить

сїю ужасную мысль? Я повинуюсь вамъ, я снесу бремя моего несчастїя, я не хочу болѣе стараться, чтобъ отъ сего освободиться; но подумайте, любезная супруга, которую я обожалъ — которую умертвилъ, подумайте, что вы до отчаянїя не дойдете, когда отмстите вашему виновнику — такъ, я онъ самой; тщетно стараетесь вы меня оправдать. Амалїя, Амалїя, поелику вы меня любите, и поелику я васъ лишиться долженъ, то позвольте мнѣ предъ вами умереть. Что такое есть жизнь? Великїй боже. Естьли кто лишается того, что позволяетъ чувствовать только цѣну оной, то ахъ, что мнѣ въ оной безъ васъ?

Оба сїи несчастные проводили цѣлые дни только взирая другъ на друга и орошая себя взаимно слезами. Сиръ Карлъ занимаясь всемъ тѣмъ, что ему только на умъ приходило, повторялъ всегда сїи слова: находится ли еще какое средство? Какъ, она должна умереть! Умереть: Амалїя. — И рыданїе

заглушало голосъ. Вскорѣ потомъ пошолъ онъ къ своей супругѣ, которая беретъ его за руку, прижимаетъ его къ своей груди, потомъ употребляетъ всѣ средства, чтобъ его утѣшить — Долзай, находится ли на сей землѣ безсмертїе нашего жребїя? Не должны ли мы рано или поздо отдать долгъ природѣ? Не естьли ето обратно призывающїй законъ, которому всѣ подвержены? Умру ли я теперь или по прошествїи тридцати лѣтъ, то всегда не охотно бы меня лишались? А естьли бы я васъ лишился, то вѣрьте, что я бы о семъ гораздо менѣе сожалѣлъ? Можетели вы себѣ представить, что васъ Амалїя одною только минутою переживетъ? Мы весьма счастливы были, Сиръ Карлъ! Мы погружены во снѣ — которой можетъ быть оскорбилъ провидѣнїе — теперь приходитъ время пробудиться. По смерти моей постарайтесь — что ты говоришь? Можешь ли ты думать, чтобы душа моя не была сопряжена съ твоею? Послѣднее твое издыханїе будетъ

такъ же и мое. Не сомнѣвайся, не сомнѣвайся о томъ: глаза мои не прежде сомкнутся, пока не узрятъ тебя умирающаго; я чувствую, что мы вмѣстѣ умремъ, вмѣстѣ кончимъ свою жизнь; что я говорю, я уповаю, что небо не допуститъ возвысить несчастіе мое до высочайшаго степени; обьятія твои заключатъ въ себя меня, умирающую — ахъ? Какую безпокойную мысль беру я съ собою во гробъ. Всегда возобновляется она — Амалія, Амалія, и такъ ты удалишся отъ меня? При сихъ словахъ предался Долзай всему отчаянію; онъ безпокоился, и ежели отъ утомленія на нѣсколько минутъ объятъ онъ былъ сномъ, то слышали его такимъ образомъ кричащаго: я ея убійца, я долженъ умереть. Онъ внимательно смотрѣлъ на свою супругу, и казалось испытывалъ ея болѣзнь Какъ, сказалъ онъ самъ себѣ; никакой надежды нѣтъ. Потомъ предался опять сей горести. Мы не говоримъ, чтобы истощалъ онъ отъ недостатка пищи; она была ему несносна, онъ мало говорилъ, и произносилъ толь-

ко глубокïе вздохи; иногда занимался онъ ужасною мыслïю освободиться отъ ненавистнаго бытïя. Онъ рѣшился сïе совершить. Воображенïе, что кончина такая оскорбитъ кончину Амалïи, вдругъ удержа его отъ такой гнусной поступки придала ему великодушïе сносить жизнь.

Долзай услышалъ объ одномъ Американцѣ, которой знаетъ въ сей странѣ травы, служащïя лѣкарствомъ, а особливо знаетъ такое средство, которое противится дѣйствованïю сильнѣйшаго яда; вдругъ оживила сïя надежда Сиръ Карла — гдѣ могу я найти сего бога защищенïя? Покажите мнѣ его, отведите меня къ нему — хотя бы онъ жилъ на дальнѣйшемъ концѣ Америки. (Ему сказываютъ, что врачь сей, называемый Мазума, имѣетъ жилище свое отсюда разстоянïемъ сто миль.) О! Я довольно силъ имѣю — я побѣгу, я полечу — (онъ упалъ на постелю своей супруги.) Амалïя, любезная моя Амалïя, ты будешь жить, ты будешь

жить для того, чтобы меня простить и имѣть обо мнѣ сожалѣнїе, ахъ! Когда бы могъ еще сказать, притомъ еще и любить; удостоюсь ли сей любви, которой цѣну столь живо чувствую? Онъ увѣдомляетъ ее о томъ удивленїи, кое узналъ въ разсужденїи Мазумы; послѣ чего оставилъ ее ввѣря нѣкоторымъ друзьямъ, коихъ услужливость и честность ему были извѣстны.

Долзай пошолъ съ однимъ вѣрнымъ дикимъ, которой служилъ ему вмѣсто переводчика, и которой назывался Зами. Они шли безпрестанно. Прежде сего Сиръ Карлъ желалъ имѣть скорость подобную вѣтру; наконецъ достигли они хижины Мазумы; они нашли его сидящаго на коврѣ; лукъ его и стрѣла лежали у ногъ его, и черты его лица показывали глубокую печаль: кромѣ того, что упражнялся онъ въ лечебныхъ наукахъ, былъ онъ такъ же въ странѣ своей славнѣйшїй воинъ. Зами говоритъ ему, и указывая на Сиръ Карла объявляетъ

причину, для чего они къ нему пришли: дикой всталъ въ свирѣпствѣ, —— несчастный невольникъ нашихъ губителей, за чемъ пришолъ ты ко мнѣ просить у меня совѣта? Еще долженъ я симъ тиграмъ, пришедшимъ къ намъ изъ Европы, подавать помощь?. Знаешь ли ты, какою стрѣлою пронзили они мое сердце? При сихъ словахъ покатились у него слезы. Онъ продолжалъ: я былъ отецъ, и сїи чудовища обагрили себя кровїю моею сына, единаго моего сына! Я лишился своего сына —— и я его уже болѣе не имѣю. Солнце восходитъ не показывая мнѣ болѣе моей души подпоры, которая должна была утѣшать меня въ старости, быть свидѣтелемъ послѣдняго моего дыханїя, которое было храбрѣйшїй воинъ. Солнце заходитъ не показываясь мнѣ болѣе на семъ коврѣ, гдѣ я болѣе ничего не желаю, какъ смерти! Не должно опасаться смерти тому, кто былъ на двадцати сраженїяхъ; но умереть лишившемуся сына, коего руки, имѣющїя сомкнуть мнѣ глаза ——

поди — поди, я хочу пронзить грудь сему Европейцу — и тебѣ самому — оставь меня. Нѣтъ вскричалъ Долзай, бросясь къ его ногамъ, я не оставлю тебя, другъ мой, родитель мой! (Онъ обнажаетъ грудь свою) Рази, пронзай, соедини здѣсь всѣ твои удары, но прежде, нежели ты меня умертвить, помоги — возврати мнѣ мою возлюбленную супругу — кажется мнѣ, что ты чувствителенъ — Хотя я и чувствителенъ, Европейское чудовище, хотя я и чувствителенъ, но ты видишь, что я плачу подобно женщинѣ, и ты сомнѣваешся еще о моей чувствительности. — Ахъ, я буду смѣшивать слезы свои съ твоими. Ты отецъ. — Я уже болѣе не онъ! Болѣе уже не онъ! — Ахъ! Но я еще супругъ, и — скоро престану быть онымъ! — Я лежу у ногъ твоихъ, я тебѣ сказалъ: естьли жизнь моя можетъ удовлетворить твое мщенїе, то я готовъ тебѣ оною жертвовать; она предается твоему свирѣпству; но избавь мою супругу отъ смерти, которая хо-

лешъ ее поглотить, и потомъ растерзай меня; осмотри жесточайшія мученія въ моихъ трепещущихъ составахъ; я благословлю тебя, я буду тебя почитать за избавителя, поелику ты мнѣ возвратилъ Амалію. Ежели бы ты оказалъ для меня сіе благодѣяніе, то я сказалъ бы тебѣ: все мое сокровище, и все имѣніе тебѣ принадлежитъ. — Сокровища твои! О, могутъ ли сокровища твои сравниться съ достоинствомъ моего сына? — Варваръ, и такъ воспомни еще, что я уже болѣе не отецъ, что я умру на семъ коврѣ, не видя своего сына и не прижавъ его къ своей груди — поди, бѣги съ глазъ моихъ — я сильно желаю разорвать сердце твое на двое. — Ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ супругу твою здравою! Я бы желалъ, чтобы вся Европа твоя уязвлена была нашими ядовитыми стрѣлами; я бы самъ желалъ ее до того довести, чтобы наслаждаться удовольствіемъ, тѣмъ пріятнымъ удовольствіемъ, чтобы никто избѣжать того не могъ; я бы желалъ видѣть всѣхъ упадшими

предъ моими глазами и умирающими. Ахъ! Любезный сынъ, тебя уже болѣе нѣтъ!

Долзай ни мало сего не устрашаясь остался твердымъ при всѣхъ отказахъ и чрезвычайнаго свирѣпства Мозумы; онъ обнялъ его колѣни представляя, что повсюду въ войнѣ владычествуетъ несчастїе и злодѣянїе; что онъ свирѣпство свое не долженъ разсѣявать въ сердцѣ просвѣщеннаго народа такъ какъ въ сердцѣ самыхъ дикихъ, и что не одинъ онъ долженъ жаловаться на судьбу сраженїй о потерѣ своего сына: напослѣдокъ тронулъ онъ сего дикаго неотступною прозьбою такъ, что онъ оставя свои лѣса послѣдовалъ за нимъ до самаго жилища Амалїи.

Сиръ Карлъ увидя домъ свой поспѣшаетъ къ своей супругѣ и бросается ей въ объятїя: — — ты умираешь отъ меня; теперь возвращаю я тебѣ жизнь, возвращенїе твоего здравїя извѣстно уже. Онъ еще не выговорилъ сего какъ вошелъ Мозу-

ма въ комнату. Супругъ съ нетерпѣливостїю приводитъ его къ постелѣ больной; онъ осматриваетъ все со тщанїемъ; всѣ устрѣмили на него свои глаза. По прошествїи нѣкотораго времени сказалъ дикой оборотясь къ Долзаю: я скажу правду, а ложъ и лицѣмерїе оставляю только для твоихъ братьевъ: для сей болѣзни тайны мои весьма слабы, она неизлечима; единый только великїй духъ (указывая на небо) можетъ побѣдить силу сего яда: Сїе было для Сиръ Карла громовымъ ударомъ. И такъ не ужели должно на сїе положиться? Болѣе произнести онъ не могъ. Состоянїе его было столь сожалѣнїя достойно, что даже самъ Мозума былъ онымъ тронутъ — но онъ скоро сокрывъ сїе сострăданїе сказалъ: я почиталъ тебя за такого человѣка, и ты предаешся такой безполѣзной болѣзни. Повѣрь мнѣ, соединисъ съ нашими храбрыми воинами и погуби нашихъ враговъ; я даю тебѣ совѣтъ, которой хочу видѣть произведеннымъ въ дѣйство. Отмстивши за своего сына покрою я его моги-

лу ихъ окровавленными трупами. Сіи вѣроломные пустили стрѣлу, которая похищаетъ у тебя супругу. Естьли хочешь умереть, то послѣдуй сему моему совѣту: пади и умри въ толпѣ сихъ враговъ, прощай! Я поспѣшаю туда, чтобъ утолить свой духъ.

Съ сей минуты Сиръ Карлъ почти престалъ чувствовать и казалось, что онъ уже не чувствовалъ ласкъ своей Амаліи; онъ говорилъ съ нею однимъ мановеніемъ ока. Онъ уподобляяся тѣмъ несчастнымъ твореніямъ въ баснословіи, которыя лишаясь по малу своего чаловѣческаго виду превращались въ крѣпкіе камни.

Казалось, что Долзай одинъ разъ тронутъ былъ столько чувствительно; онъ поспѣшалъ въ объятія своей супруги и орошалъ ее слезами Онъ не хотѣлъ ее опечаливать; наконецъ наклонившись на постелю сказалъ прерывающимся голосомъ: — Амаліа — Амалія — уже исполнилось: — что ты го-

воришь? — Долзай? — Я бы желала имѣть такое свирѣпство, чтобъ удалить тебя отъ зрѣлища той кончины, которая преслѣдуетъ твоей. Я не могу преодолѣть чрезмѣрной своей болѣзни, я слабѣю — удались — но Ахъ! Кто будетъ свидѣтелемъ здѣсь твоего послѣдняго вздоха? Простишь ли ты меня, любезная супруга? — Возложи руку свою на мое сердце — доколѣ оно еще бьется, оно не престанетъ тебя горячо любить. Долзай всѣ свои силы собиралъ, дабы пасть на грудь своей супруги; онъ разлучился съ нею поднявъ жалостной крикъ, и бросивъ на нее послѣднїй взоръ.

Болѣзнь Сиръ Карла стоила ему жизни. Сей ударъ былъ для Амалїи столько великъ, что она не однократно произносила жалобы; она была поражена какъ громомъ. Она проливала слезы, заключала своего супруга въ свои объятїя и лице его прижимала къ своему, иногда возводила она взоръ свой на небо, потомъ обращала оной на поблѣднѣ-

вшаго и умирающаго своего супруга, коего она безпрестанно прижимала къ своему сердцу: хотѣли отнять прочь для нее такой болѣзненной предметъ, но она держала его крѣпко; почти цѣлые сутки находилась она въ семъ состоянїи. Однако уговорились оттащить Сиръ Карла, какъ будто бы въ обморокъ впавшаго.

Амалїя пробудилась изъ сего смертнаго сна. — Гдѣ онъ? Гдѣ мой супругъ? Гдѣ Долзай? (Ей отвѣчаютъ только слезами) Слезы? — Ахъ! Я ни одной пролить не могу! — Въ какомъ состоянїи находится онъ теперь? Въ какомъ положенїи онъ теперь? (Потомъ произнесла она глубокой вздохъ, подобно плѣнному, пробудившемуся отъ сна и увидѣвшему свои оковы.) Великїй боже! Могу ли я его забыть; Долзай, на всегда отъ меня похищенъ, на всегда! — Я держала его въ своихъ объятїяхъ — но его уже нѣтъ въ оныхъ, его уже нѣтъ! Что со мною сдѣлали! Вставши съ поспѣшностїю сказала:

— Его должно мнѣ возвратить; я хочу умереть съ своимъ несчастнымъ супругомъ, умереть; пусть заключитъ насъ обѣихъ одна могила.

Ее никакъ удержать не могли;— Амалія повсюду осматривала; она пошла въ ближайшую комнату: — О! Небо, что я вижу? Гробъ. — Жестокіе, — не ужели онъ уже въ немъ заключенъ! — Долзай! — Любезный Долзай — здѣсь я умру. Она упавши на гробъ обняла оной съ восхищеніемъ. По прошествіи одного часа опять пришла она въ себя. — Я предпріяла намѣреніе: въ Америкѣ не буду я болѣе претерпѣвать своего злосчастія; я чувствую въ себѣ еще довольно силъ — возвратиться въ Европу и тамъ умереть. (Ей отговаривали въ семъ намѣреніи представляя ея слабость и множество другихъ затрудненіи.) Я ихъ преодолѣю, я чувствую — такъ, я увѣрена, что небо продлитъ еще мнѣ жизнь мою до той минуты, въ которую буду я имѣть утѣшеніе — сіе есть

единое — последнее — я на то рѣшилась; спросите для меня о корабле, которой бы въ готовности былъ къ отъѣзду! Ей повинуются и приносятъ извѣстїе объ одномъ кораблѣ, которой ее ожидаетъ, и что уже все къ отъѣзду готово. Она не хотѣла, чтобы Долзая здѣсь погребли. Ее спрашивали дрожащимъ голосомъ о ея намѣренїи. — Намѣренїе мое! Оно клонится къ тому, чтобъ не разлучаться съ тѣмъ, что для меня было любезнѣйшимъ и что еще теперъ есть такимъ. — Долзай будетъ послѣдовать за мною, или я за нимъ буду послѣдовать до того мѣста, гдѣ прахъ нашъ положатъ вмѣстѣ — какъ ето! Милостивая государыня! Такъ я хочу. Никто не долженъ мнѣ препятствовать. (Она подошедъ ко гробу вскричала) тебя должна я оставить! Тебя здѣсь покинуть? И я должна безъ тебя возвратиться въ свое отечество, гдѣ глаза мои скоро сомкнутся! Ахъ! По крайней мѣрѣ родители мои, — ручьи слезъ лишили ее языка, она получила его опять. — Нѣтъ! Отнесите со мною

сей единый предметъ, которой удерживаетъ еще душу мою на сей землѣ.

Дѣйствїе сїе походило на нѣкоторое чудо, что супруга сїя, которая была уже близка къ смерти, была еще столь чувствительна. Ее привели на корабль въ провожанїи столь любезнаго залога, съ коего она глазъ своихъ не спускала. Она находилась въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, когда хотѣла возвратиться въ Англїю. Во все свое путешествїе находилась она безпрестанно подлѣ гроба, которой она то лобызала, то орошала его слезами. Дѣйствїемъ своимъ привела она всѣхъ, на караблѣ находящихся, какъ въ удивленїе такъ и въ сожалѣнїе. По всей справедливости могли приписать ей слова древняго стихотворца: величество болѣзни: сїе печальное и трогающее зрѣлище все заключала въ себѣ Амалїя.

Родители ея оплакивали ее безпрестанно, невѣдая въ какомъ находится она состоянїи. Ахъ! Гово-

ричли они, естьли бы мы къ нашему утѣшенїю хотя то знали, что она еще жива — то почли бы себя довольными. О! Естьли бы она жива была, то бы мы ее простили. — Сїе любезное дитя не составляетъ ли нашей единой любви? Но — суетная надежда! Амалїи болѣе нѣтъ, мы уже болѣе дочери неимѣемъ! Мы умремъ не обнявъ ее еще одинъ разъ. При сихъ размышленїяхъ проливали они ежедневно сїи несчастныя горкїя слезы; иногда говорили они вмѣстѣ такъ: естьли бы мы испытали Сару, то по крайней мѣрѣ нашли бы можетъ быть ея слѣды, и не были бы въ невѣденїи, которое гораздо страшнѣе самаго несчастїя.

Въ ту же самую минуту, когда отецъ и мать Амалїи другъ другу сообщали свои жалобы, объявили имъ: что женщина намѣрена съ ними говорить. — Пусти ее — ахъ — естьли бы принесла она намъ извѣстїе о нашей дочери! Кто знаетъ? Можетъ быть небо услыша наши моленїя и жалобы умило-

сердилось. Мнимая женщина вошла — это Сара: такъ мои достопочтенные повелители, коихъ я такъ много оскорбила, я несчастная Сара, которая, чтобъ пасть къ вашимъ ногамъ и испросить у васъ прощенія, не могла противиться побужденію. — Скажи намъ — что ты съ Амаліею учинила? — Куды удалилась она? Жива ли еще она? Ахъ жестокая! Сара, все предается забвенію, когда ты намъ скажешь — должны ли мы почитать себя счастливыми, что смерть ее у насъ еще не похитила? Сіе любезное дитя! Мое — гдѣ оно? Сара разсказываетъ имъ все по порядку, что происходило съ той минуты, какъ запретили Долзаю приходъ. Она призналась чистосердечно, что она въ побѣгѣ Амаліи была участницею; что она ее проводила до самаго корабля, которой отправлялся въ Америку. Сара присоединила еще къ сему, что я опасаясь справедливаго вашего наказанія удалилась отъ вашихъ изслѣдыванiи; но услышавъ, что васъ ничто утѣшить не могло, рѣшилась я подвергнуть себя ваше-

му гнѣву, которой заслужила я своею слабостїю или паче подлою услугою; я лучше умру, естьли сїе такъ должно быть, нежели оставить васъ еще въ семъ злополучїи, и закоснѣнїи. — Сара, теперь не должно говорить о твоемъ проступкѣ — Амалїя — въ Америкѣ — и — ты незнаешь, въ какой части? — Она хотѣла искать Сиръ Карла — Отецъ прервалъ: и такъ это будетъ въ той странѣ, гдѣ теперь война производится; должно писать — во всѣ края — спрашивать во всей Америкѣ, дабы что нибудь узнать объ Амалїи. Ахъ! Боже, боже! Теперь намъ извѣстна только ея судьба — она выдетъ за Сиръ Карла, но — она жива! О когда бы могли мы ее заключить въ свои объятїя, сїю возлюбленную дочь, то сколько были бы мы довольны! Какъ, наше непреклонное упорство принудило ее отъ насъ удалиться. — Мы опять ее увидимъ! Она будетъ еще находиться въ домѣ нашемъ; зять нашъ изъ такого состоянїя, которое можетъ дѣлать намъ честь; онъ ни

вѣ чемѣ кромѣ именія недостатка не имѣлѣ.

Оба они исполнены были такой радости, какую могутѣ себѣ вообразить одни только родители: но скоро сокрылось сіе восхищающее утѣшеніе, обезпокоивающею нѣкоторою мыслію. Какимѣ опасностямѣ они были подвергнуты. Мы предаемся безвремянной надеждѣ. Можетѣ быть уже не состоитѣ она болѣе вѣ той минутѣ, вѣ которую желаемѣ мы самаго лучшаго. Сара старалась разогнать сію ихѣ печаль. Они прежде о томѣ уговорились, сказала мать своему супругу; должно спросить, вѣ какой странѣ Амалія находится. Ахѣ! Почто хотимѣ мы такое важное дѣло ввѣрить другимѣ? Чего мы лишились? Мы стоимѣ уже одною ногою вѣ могилѣ; и такѣ станемѣ изслѣдывать сами, какимѣ образомѣ случилось сіе сѣ Амаліею; но какѣ отважилась она ѣхать по морю, не должна ли нѣжность отца и матери быть сильнѣе глупой любви? —— Престанемѣ болѣе помышлять о ея преступле-

нїи; будемъ прїуготовляться къ отъѣзду. Любезные мои повѣлители, вскричала Сара, позвольте и мнѣ за вами слѣдовать, не откажите мнѣ въ сей милости: о когда бы могла я еще разъ обнять мое дитя, прежде нежели умру.

Сїи знаменитые родители дѣйствительно рѣшились искать своей Амалїи и ѣхать даже въ новой свѣтъ. (Въ Америку). Они дѣлали потребныя прїуготовленїя къ своему путешествїю; они всегда занимались тѣмъ удовольствїемъ, коимъ должно бы имъ наслаждаться тогда, когда могли бы обратно получить дочь свою въ объятїя: Такъ, все, все должно быть предано забвенїю, и мы будемъ ее любить еще болѣе прежняго. И такъ мы опять увидимъ нашу Амалїю, опять будемъ имѣть ее. О небо! Когда бы могли мы наслаждаться сею радостїю хотя одну только минуту — мы умремъ отъ радости!

У воротъ ихъ сдѣлалось нѣкоторое стеченїе народа, слуги имѣ-

ли изумленный видъ; ихъ спрашивали, чтобы сїе означало, но они не отвѣчали: безпокойствїе ихъ умножалось; мать Амалїи пошла сама туда: какое ужасное зрѣлище! Дочь ея! Ея дочь съ распущенными власами и одѣтая въ печальное платье: она поспѣшаетъ въ ея объятїя. Амалїя! — такъ, любезная матушка, естьли позволите еще выговорить ваше имя, я ваша дочь — несчастная супруга, которая хочетъ просить вашего благословенїя и потомъ умереть предъ вашими стопами.

Отецъ ея, вышедшїй вскорѣ за своею супругою вдругъ узнавъ Амалїю едва могъ произнести сїе только слово: любезная дочь! Онъ хотѣлъ ее поднять и обнять. — Мои достопочтенные родители! Позвольте мнѣ умереть предъ вашими стопами — Сара, тебя ли я опять вижу? — Когда они хотѣли отвѣчать, то увидѣли нѣкоторое число служителей, несущихъ гробъ. Они были объяты ужасомъ, потомъ начала Амалїя опять говорить:

гробъ сей, которой вы предъ собою видите, (она поверглась на него) заключаетъ въ себѣ моего несчастнаго супруга, но скоро заключитъ и меня; я прошу, сказала она проливая ручьи слезъ, для него и для себя прощенія —— такого прощенія, котораго мы получить не могли, доколѣ онъ еще живъ былъ. Не ужели вы мнѣ въ семъ откажете? Родители ея заключили ее въ свои объятія проливая слезы. —— Любезная дочь, любезная дочь! —— Мы не хотимъ теперь говорить болѣе о прощеніи; мы хотимъ радоваться о благополучіи нашего соединенія; мы постараемся облегчить тебѣ твою потерю; мы заступимъ мѣсто твоего супруга. Отецъ поднявъ Амалію посадилъ ее подлѣ гроба, за которой держалась она всегда рукою: ето —— ето есть постеля —— въ которой скоро меня положатъ! Естьли я между тѣмъ, любезные родители, еще нѣкоторымъ удовольствіемъ наслаждаться должна, то уже вы наградили меня симъ: когда вы прощаете меня! Любите меня! То умираю я

счастливѣе. Вы надѣлите меня вашею милостiю, и сего послѣдняго благодѣянiя надѣюсь я отъ вашей нѣжности: положите меня въ семъ гробѣ подлѣ Долзая, моего супруга! Такъ, сiе будетъ для меня высочайшимъ благодѣянiемъ. — Я не скрываю сего, что я причинила вамъ много печали; небо справедливо, оно меня наказало и мнѣ за васъ отмстило. — Говори объ чемъ нибудь другомъ, любезная Амалiя! Живи, чтобъ насъ любить: тебя, тебя хотимъ мы заключить въ свои объятiя; Сара восхищенiе свое соединила съ родителями Амалiи. И такъ я васъ, моя повѣлительница, опять вижу! О позвольте мнѣ поцѣловать у васъ руку — Сара! Рука сiя скоро ощущать будетъ смертный холодъ! Отецъ вскричалъ: — Какъ, любезная дочь! Неужели совсѣмъ не можемъ мы тебя утѣшить! Ты возвратила намъ жизнь; не ужели хочешь ты, чтобы болѣзнь лишила насъ оной! Пролей еще послѣднiя слезы надъ своимъ супругомъ и удались потомъ оставя печаль свою; мы ее похва-

ляемъ и раздѣляемъ оную купно съ тобою, или по крайней мѣрѣ постарайся оную умѣрить. Ты говоришь, что насъ любить, а теперь желаешь умереть. — Достопочтенные виновники моей жизни, кончина жизни моей извѣстна; я довольно времени имѣла, чтобъ оную вамъ показать. Я просила небо, чтобы продлило жизнь мою до тѣхъ поръ, пока возвращусь я въ Англїю, въ которой я родилась, чтобъ могла я умереть въ вашихъ объятїяхъ; тогда услышало оно мое моленїе будучи прежде неумолимымъ. Вы меня простили, и я паки васъ увидѣла, однакожъ я не все еще счастїе узнала.

Отецъ и мать Амалїи принуждали ее о семъ болѣе не говорить, и отложить печаль на нѣсколько времени. Она открыла имъ свое ужасное состоянїе: и тогда то узнали они — узнали о сей несчастной, что ядъ находится въ составахъ ихъ дочери; что кончина ея неизбѣжима, что она опредѣлена къ смерти. Весь домъ находился

въ печали; потомъ начало царствовать отчаяніе; и такъ сокрывъ сіе печальное дѣйствіе старались повсюду изыскивать искусныхъ врачей и призывать къ себѣ въ домъ, и хотя ничего неоставалось, чего бы не осмотрѣли они сотщаніемъ, однако открылось наконецъ, что Европа въ изобрѣтеніи такого цѣлительнаго средства не была такъ счастлива, какъ Америка. Я не хотѣла васъ опечалить, сказала Амалія своимъ родителямъ, и противиться предлагаемой помощи, хотя подлинно увѣрена была о ея недѣйствительности. Сіе есть доказательство моей къ вамъ любви, и повиновенія, коимъ я вамъ обязана. Такъ, ето справедливо, что еще не много недѣль проживу: оныя посвящу я вамъ, повторяя вамъ стократно то, что вы изъ моего сердца еще не вышли; любовь, любовь была причиною моего несчастія и преступленія. Ахъ! Она теперь для меня мучительна, я сдѣлалась ея жертвою! Но ея слезы меня орошали: и такъ естьли я умру, то буду заслуживать меншаго сожалѣ-

нія; но любезные мои родители возвратили мнѣ свою нѣжность.

Никто не могъ изобразить живого отчаянія, въ какомъ находилась сія несчастная фамилія, здѣсь должны мы опустить завѣсу и все предать воображенію, или паче чувствительности предсшавивъ себѣ трогающую картину, которая бы всегда проникала въ наши сердца.

По желанію Амаліи поставили гробъ въ ея комнатѣ: всякой день подходя къ оному лобызала его и оротала его слезами. Она вздыхала о Сиръ Карлѣ какъ будто бы онъ могъ слышать.

Когда Амалія находилась одна съ Сарою, тогда душа ея выражала всю горесть глубочайшей болѣзни: — теперь, любезная моя Сара, думала ли ты опять меня видѣть, меня, угнѣтенную такими злосчастіями, и лишенную супруга, мною обожаемаго, приготовившуюся слѣдовать за нимъ во гробъ, и удаляющуюся отъ своихъ родителей

въ ту минуту, когда простираютъ они опять ко мнѣ свои руки? Жестокая судьба! Вотъ наказанїе моихъ страстей! Сего умершаго любила я чрезвычайно; справедливое небо наказываетъ меня за то! Я заслужила сїе несчастїе; я оскорбила свою фамилїю: я нарушила священнѣйшую должность — ахъ, прости меня! Мой любезный Долзай, (она обратилась ко гробу) прости меня! Не опасайся, что образъ твой мало овладѣлъ моею душею — Сара — вотъ до чего доводитъ любовь!

Между всѣми чувствованїями бываетъ послѣднимъ надежда, которая въ человѣческомъ сердцѣ погасаетъ: еще оставались минуты, въ кои отецъ и мать Амалїи такъ себя ласкали, воображая, что можетъ быть небо спасетъ дочь ихъ чудеснымъ образомъ; они положились на твердость ея молодости, на старанїя, кои они объ ней прилагали: нѣжность ихъ всегда представляла имъ возвращенїе ея здравїя гораздо возможнымъ, нежели ра-

зумъ можетъ такъ себѣ представить. Между тѣмъ можно было видѣть, что Амалія приближалась къ своему концу. Она сама такъ же примѣтила сіе, однако старалась оное скрыть отъ своихъ родителей. Мы всегда будемъ оставлять ихъ въ надеждѣ, сказала Сарѣ, поелику смерть моя еще довольно рано опечалитъ ихъ! И такъ, ето ли моя судьба, чтобы я на всегда стоила имъ слезъ?

Супруга Сиръ Карла взирала на приближающееся время ея разрушенія весьма спокойнымъ видомъ. Бываетъ ли сердце когда нибудь столь глубоко уязвлено, что не можетъ оно болѣе излѣчиться; и не тщетно ли старается оно тогда искать спасительныхъ средствъ, кои всѣ безсильны? Ужасная истинна, скрывающаяся отъ глазъ нашихъ! Единая смерть можетъ насъ излечить! Долзая болѣе не стало, и онъ былъ одно такое, чего Амалія искала на землѣ.

Родители ея всегда съ нею находились, и она старалась показы-

вать имъ веселой видъ. Она разговаривала съ ними о своей юности, о своей къ нимъ любви, и какъ возможно старалась имъ не напоминать о гробницѣ, въ которую скоро должна она скрыться.

Мы уже о томъ говорили, что Амалїя только въ присудствїи Сары показывала себя такою, какою была она дѣйствительно, то есть, будучи угнѣтаема всѣми чувствованїями, которыя каждое существо, находящееся близъ своей цѣли, и поспѣшающее на встрѣчу къ своему разрушенїю, чувствуетъ. Очень мало найдется такихъ Философовъ, кои бы не лишались твердости при семъ воображенїи.

Амалїя жила не болѣе, какъ одинъ только день. Такъ же и врачи не скрывали сего отъ нее. Тогда собравъ она всѣ силы своей души просила своихъ родителей въ свою комнату. Лишь только увидѣла она ихъ — это уже послѣднїй разъ, что я васъ безпокою; что вы слышите голосъ дочери, ко-

торая для васъ только жить хотѣла: но судьба моя меня отъ васъ похищаетъ, я любила другаго — и я его лишилась. Теперь должны вы ожидать моей кончины; сколь долго ни были мы опять соединенными, однако опять разлучаемся. Еще разъ, любезнѣйшіе родители, простите, благословите вашу дочь; она проситъ васъ, чтобъ вы ни о чемъ болѣе не думали, какъ только о ея раскаяніи, о ея къ вамъ нѣжности, которая ни на что не взирая никогда не преставала продолжаться; я приказала Сарѣ о томъ часто напоминать — я чувствую, что я умираю — ахъ! Не медлите вашимъ благословеніемъ! (Здѣсь приближась родители заключали ее въ свои объятія и благословивши ее упали въ обморокъ.) Сара, скроемъ отъ нихъ сіе зрѣлище; отведи ихъ отсюда. (Слуги отвели ихъ въ свою комнату) Сара, у меня есть полотно, прошу тебя, возми оное такъ какъ слабой знакъ моего дружества; теперь ожидаю я отъ тебя доказательства твоей признательности: скажи, что

вы сей часъ открыли гробъ — Ради неба, милостивая государыня, что вы хотите дѣлать? Вспомни, что я тебя просила объ одной услугѣ — для того то хотѣла я удалить отсюда своихъ родителей — Они неснесутъ сей минуты: (по прошествїи нѣсколько времяни) исполнено ли то, чего я отъ тебя ожидаю? — Такъ, ей повиновались, но — что вы дѣлаете? — Удалитесь, друзья мои! Я хочу, чтобы въ послѣднюю минуту служила мнѣ одна сїя (Сара); вы послѣ узнаете, что я благодарила васъ за ваши услуги въ разсужденїи послѣдняго моего желанїя, удалитесь.

Амалїя была весьма слаба: — мы теперь однѣ, любезная Сара, поди, поддержи меня твоими руками. Сара, пролившая слезы повиновалась ей: Ахъ! Что вы хотите дѣлать? — Поведи меня къ сему гробу, я хочу въ послѣднїе посмотрѣть на моего супруга — О! Небо, я не могу. — Сара хотѣла мнѣ отказать въ сей послѣдней

услугѣ? Я всѣ силы соберу, чтобы лечь въ оной — Сара не допустила ее болѣе говорить: она привела ее лишенную силъ къ сему монументу болѣзни: — здѣсь находится все то, что осталось отъ моего супруга, коего любила я страстно.

Амалія довольно времени смотрѣла на Сиръ Карла, которой покрытъ былъ къ погрѣбенію приличнымъ покрываломъ: — пособи мнѣ лечь въ сію смертную постелю — не ужели не хочешь ты? — Однако я умираю, и ты лишаешь меня единаго утѣшенія? Сара поддерживала Амалію, которая легла во гробъ — Наконецъ, видишъ ты меня соединенною на всегда съ моимъ супругомъ Сара, скажи моимъ родителямъ, что я ихъ прошу меня съ нимъ не разлучать Утѣшай ихъ, занимайся съ ними несчастною Амаліею — не забывай меня — прощай, — прощай — Сара — я умираю.

Амалія произнося сіи слова плачевнымъ голосомъ, старалась кры-

шку гроба наложить на себя; Сара подбѣжала и нашла Амалію умершею. Она подняла крикъ, на который родители, пришедшіе въ самихъ себя, прибѣжали въ ея комнату въ провожаніи своихъ служителей. Сара показывала только рукою на гробъ; они увидѣли въ ономъ свою дочь, которая уже совсѣмъ перемѣнилась, и покрываломъ своимъ покрыла своего супруга. Они стояли подлѣ гроба неподвижными, представляя себѣ ужасъ и болѣзнь; пришедши опять въ себя облобызали они еще свою несчастную Амалію и отправляли церемонію погребенія сихъ двухъ супруговъ утопая въ слезахъ и испуская тяжкіе вздохи; желаніе несчастной сей супруги исполнили. Могила и гробница заключила ее въ себя, и сія несчастная фамилія приходитъ всегда къ оной для пролитія слезъ и ожиданія своей кончины.

КОНЕЦЪ.

